

Петр Герасимович Поддубный родился в Сибири. Семнадцатилетним юношей он был призван на военную службу и в течение пяти лет служил в частях Краснознаменной Каспийской флотилии.

Предлагаемая вниманию читателей повесть П. Г. Поддубного «Гнездо в соборе» рассказывает о героических буднях молодых украинских чекистов, которые в трудные годы гражданской войны и после ее окончания успешно вели борьбу с контрреволюцией, надежно охраняли завоевания Великой Октябрьской социалистической революции.

Владимир БЕЛЯЕВ

КОНЕЦ ХОЛОДНОГО ЯРА

(вместо предисловия)

В своей документальной повести «Гнездо в соборе» Петр Поддубный воскрешает еще одну яркую страницу истории Всеукраинской чрезвычайной комиссии. Автор повествует о том, как молодые по возрасту и жизненному опыту чекисты-дзержинцы разгромили один из значительных очагов националистической контрреволюции и вывели на поверхность одну из многочисленных банд, орудовавших в окрестностях Киева и Холодного Яра, — банду Мордалевича.

Связанная тайными нитями с другими антисоветскими формированиями, разбросанными по Украине, руководимая центральным повстанческим комитетом, банда эта, численностью до тысячи участников, долгие месяцы была надеждой зарубежной контрреволюции — вышвырнутых за пределы республики петлюровских шаек и их зарубежных хозяев. Эта своеобразная «пятая колонна» только и ждала сигнала к всеобщему восстанию. Не в пример малограмотным атаманчикам, ее возглавлял хитрый, образованный враг Мордалевич, учительствовавший долгие годы в селах Украины. Он умел думать и рассуждать самостоятельно и даже входить в пререкания со своими вожаками типа петлюровского полковника Чепилко или Наконечного.

Вполне естественно, у читателя, особенно молодого, не знающего подробностей сопротивления классового врага на Украине, может возникнуть вопрос: так ли все это было на самом деле, как об этом повествует Петр Поддубный? Нет ли в его повести преувеличений, «перебора», называемого чрезмерным домыслом?

В двухтомнике Д. Голикова «Крушение антисоветского подполья в СССР», выпущенного Политиздатом, внимательный читатель может обнаружить знакомые имена и факты, которыми оперирует Петр Поддубный. Это, в частности, имена наших отъявленных врагов и тех смелых защитников завоеванной революции, кто вступил в тайную и явную борьбу с ними.

...«Вот только краткое перечисление наиболее известных пет-

люровских банд, — пишет Д. Голинков, — орудовавших на Украине в период войны с белополяками и Врангелем: на Киевщине — банды Голого, Грызла, Цветковського, Мордалевича, Дороша, Яременко, Богатыренко, Цербарюка, Струка; в районе Кременчуга — банды Киктя, Левченко, Деркача, Хмары, Клепача, Яблучка, Мамая, Зализняка, Загородного, Степового, Калиберды, Бондаря; на Полтавщине — банды Гонты, Христового, Матвиенко, Вояки, Штапы; на Подоліи — банды Шепеля, Складного, Заболотного, Моргуля, Гранового, Солтыса.

Наибольшего распространения петлюровский бандитизм получил в Александрийском, Чигиринском и Черкасском уездах, где орудовала так называемая повстанческая дивизия, насчитывающая в августе—сентябре до 15—20 тысяч вооруженных людей. Ее атаманом вначале был некий Око, а затем известный бандит Хмара, оперировавший ранее на Полтавщине, а политическим руководителем — Елисаветградско-Александрийский повстанческий комитет во главе с Нестеренко. Крепостью петлюровского движения стал знаменитый Холодный Яр — густой лес с трясинами, холмами и речками в Чигиринском уезде. Он представлял удобное место, где могли укрываться главари подполья и банды.

Таково свидетельство историка!

Его подтверждает и другой источник — книга «Всеукраинская Чрезвычайная Комиссия» Л. Маймескулова, А. Рогожина и В. Сташиса, выпущенная в 1971 году издательством Харьковского университета.

«Летом 1919 года ВУЧК раскрыла в Киеве еще одну петлюровскую заговорщицкую группу, окопавшуюся в авиапарке.

Чекистами было установлено, что петлюровский центр вел и антисоветскую работу в селах, которая должна была подготовить почву для непосредственной контрреволюционной деятельности кулацких банд. Подобная миссия была возложена петлюровским штабом на атамана Мордалевича. Имея при себе только личную охрану, Мордалевич рассылал по селам «агитбюро», задачей которых было проведение на селе контрреволюционной работы, «примирение» бедняков с кулаками, предостережение расслоения деревни».

Опираясь на все эти неопровержимые факты истории, Петр Поддубный, подобно топографу, «поднимающему» карту, значительно расширил повествование, создал правдивый художественный фон, «слепил» характеры чекистов и их против-

ников, ввел в повесть живую речь и вызвал у читателей чувство восхищения подвигами первых храбрых сотрудников органов молодой советской безопасности. Видно, как почти на каждом шагу они сочетают бескомпромиссную борьбу с врагом с гуманными действиями, стараясь оторвать от банд заблудших, обманутых сельчанок. Чекисты в данном случае выступают в роли воспитателей, способствуя прозрению тех, у кого еще не все потеряно в жизни.

Неосведомленному читателю может показаться удивительным, откуда у молодых чекистов первых послереволюционных лет, кроме личной храбрости, помноженной на хитрость, столько знаний, умения разбираться в сложных международных вопросах, а зачастую с успехом перевоплощаться, играть роли врагов?

Авторы книги «Всеукраинская Чрезвычайная Комиссия» свидетельствуют:

«Большую работу по разоблачению связей петлюровцев с иностранными державами осуществлял Иностраннный отдел ВУЧК. ВУЧК получала регулярные и исчерпывающие сведения о состоянии контрреволюционной украинской эмиграции и о тех планах, которые лелеяли французские, польские, австрийские и немецкие капиталисты в связи с деятельностью сидевших в эмиграции организаторов кулацких мятежей. Иностраннный отдел ВУЧК имел хорошо поставленный разведывательный аппарат. ВУЧК имела своих разведчиков во всех контрреволюционных зарубежных организациях, имевших отношение к Украине. Чекисты проникали в эмигрантские круги Вены, Берлина, Парижа, Тарнова, Варшавы и других центров. В руки ВУЧК попадали копии протоколов самых «тайных» заседаний петлюровской «Рады» в Тарнове».

Вот почему, зная, чего стоит идея создания «самостийной Украины», а на самом деле — зависимой колонии капиталистических государств, идея, в которую националистические вожаки призывали верить и воевать за нее поколения отравленной молодежи, чекисты открывали глаза раскаявшимся, выводили их к плодотворной жизни.

Петр Поддубный не случайно назвал свою повесть «Гнездо в сборе». Общеизвестно, что петлюровщина и ее подпольная агентура на Украине поддерживали самые тесные связи с клерикалами. Министр просвещения петлюровской директории Огиенко, со временем высвяченный гитлеровцами, стал митрополитом православной церкви в Канаде — Илларионом. Адъ-

ютант Петлюры, офицер Степан Скрипник, после немецкой оккупации Украины, 12 мая 1942 года, в пещерной церкви Свято-Андреевского собора в Киеве был высвячен в епископы украинской автокефальной церкви, оторвавшейся в угоду гитлеровцам от юрисдикции, то есть подчинения Московской патриархии.

Вы думаете, дорогой читатель, этот новоиспеченный епископ, а затем — архиепископ гестаповского разлива, с его псевдонимом «преосвященный Мстислав», пребывает только в аналах истории?

Как бы не так!

Совсем недавно, в конце прошлого года, глава всех консисторий украинской автокефальной православной церкви, теперь уже митрополит Мстислав (в прошлом — Степан Скрипник, офицер петлюровских банд) прибыл в Нью-Йорк, где заседало всемирное собрание так называемого СКВУ — то есть третьего всемирного конгресса свободных украинцев.

Как сообщил в № 47 за 1978 год журнал «Новое время», Скрипник—Мстислав в своем новом качестве митрополита вместе со своими единомышленниками продолжает зловредную работу не только против Украины, не только против большинства граждан украинского происхождения и народов, среди которых те живут за океаном, но и против разрядки и мира.

Когда же — об этом надо помнить — гитлеровцы ворвались на Украину, Скрипник, еще не надевший облачение епископа и бриллиантовую панагию, приветствовал главнокомандующего немецко-фашистских войск на Украине генерала Китцингера. Потом, на интимном банкете с ним, он доверительно цитировал слова одного из секретных документов националистов.

«Не нужно бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пусть из 40 миллионов украинского населения останется половина — ничего страшного в этом нет»...

В ноябре 1978 года этот старый бородастый развратник и пьянчуга, в рясе митрополита, в обществе таких же мировых проходимцев, как и он сам, вспоминая свою молодость, поднимал на банкетах тосты за старых знакомых — «героев» Холодного Яра, шептал на ухо соседям, что нейтронная бомба не так уж страшна, утирая слезы, вспоминал соборы златоглавого Киева, в одном из которых — Свято-Андреевском — совершали его хиротопию «аж пять епископов» — гитлерчуков

как раз в то время, когда лилась потоками кровь труженников Украины...

Сентиментальные воспоминания о Холодном Яре, о том, как во Владимирском соборе собирались, готовя восстание, деятели подпольного Укрповстанкома, так разволновали старого пройдоху, окопавшегося в Нью-Йорке, что он напился, выражаясь церковной терминологией, «до положения риз» и поехал в таком виде сразу же на заседание СКВУ.

Канадская газета «Життя і слово» так рассказывает об этом его появлении в зале конгресса:

«Вызвало неодобрение и выступление православного «митрополита» Мстислава (бывшего петлюровского офицера), который вместо «несколькоминутного привета» читал присутствующим «Патер ностер». Ему кричали: «Кончайте!» Он, заупрямившись, отбивался: «Нет, не закончу, а вы послушайте!»

..Узнав обо всем этом — сегодняшнем, циничном и подлом — из зарубежных газет, я подумал, как хорошо, что в своей повести «Гнездо в соборе» Петр Поддубный напоминает о далекой прошлой подлости черноризников трудящимся на сей раз уже пятидесятиллионной Украины. Не задержали в свое время ее движение к свету и прогрессу петлюровские офицеры, сменившие желтоватые мундиры с трезубами на рукавах на ризы священнослужителей..

Прошли годы.

Канули в небытие многие из перечисленных выше атаманов националистических банд, а оставшихся в живых взял под свою опеку и к себе на холопью службу немецкий фашизм.

И снова, как и встарь, деятели немецкого фашизма попытались обмануть идеей «самостийной Украины» поколения украинской молодежи, загоняя ее в дивизию СС «Галичина», в банды так называемой «Украинской повстанческой армии», в националистическое «подполье», на самом деле тесно связанное с гестапо и гитлеровской военной разведкой — абвером. Под прикрытием этой насквозь фальшивой легенды скрывались подлинные цели фашистских завоевателей. Один из теоретиков пангерманизма, Судевенхаген, точно выразил подлинные цели немецкого фашизма:

«Оторванная от России и включенная в систему Центральной Европы, Украина могла бы стать одной из богатейших стран мира!»

Ну и, конечно же, можно добавить, самой богатой колони-

«До Киева?» — «Нет, до Черкасс. А вы до Киева? — «Да». Обменявшись с попутчиками этими репликами, Оксаненко решил, что долг вежливости исполнен, сослался на усталость и взобрался на самую спокойную третью, багажную полку. Здесь, под крышей вагона, стал смотреть в потертый темный потолок и думать, думать, не вызывая ничего интереса.

...Встреча с товарищем. Так объяснили ему вызов в Цупком. Нелепость, конечно. Даже если, действительно, встреча, то с каким-таким товарищем и зачем? А может быть, начальнику контрразведки нужен был лишь предлог? Но опять вопрос: для чего? Об этом можно было только гадать. А гаданье, решил Оксаненко, дело никчемное. Оставалась встреча с товарищем. «Конечно, это подвох, — размышлял Федор. — Очевидно, для проверки. Почему же она понадобилась? Не дал ли он где-нибудь маху? Не засыпался ли? Вряд ли. Ну-ка, притормозим», — замедлил свои размышления Оксаненко. Если бы они знали, что он сотрудник ЧК, а не тот, за кого себя выдает, то проще и надежнее было бы не вызывать его в Киев, а убрать в Одессе. Все походило бы на уголовное преступление, каких немало было в то смутное время в шумном порту. Не приметил Федор и «хвоста». Взвесив все хорошенько, Оксаненко решил: Коротюк, видно, в чем-то засомневался и устраивает ему очную ставку с человеком, который может быть опасным. Крайняя опасность — встреча с продавшимся петлюровцам «товарищем» или даже агентом «правительства УНР», замаскировавшимся под чекиста. Это не исключалось: Оксаненко было известно, что на ответственном посту в транспортной ЧК несколько месяцев сидел подручный Петлюры. Такая встреча почти наверняка означала бы провал. Оксаненко решил твердо: в любом случае он обязан был прибыть в цупкомовский штаб. Ну, а если уж провал

неизбежен, то сделать все, чтобы Данила Коротюк хорошо заплатил за мою жизнь. Успеть бы еще сообщить в ЧК о заговоре врангелевцев!

Оксаненко чувствовал, что ко второй встрече с Коротюком он относится не так, как к первой, когда ему было известно лишь то, что начальник цупкомовской контрразведки — кадровый сыщик старой выучки.

...Оксаненко был направлен в Одессу в распоряжение тамошнего повстанкома, оставаясь одновременно представителем цупкомовского штаба. Его не удивила встреча в повстанкоме с Александром Грудницким, своим сослуживцем, до недавнего времени подвизавшимся в армии Врангеля. У петлюровских самостийников, у денкинцев, у врангелевцев были не совсем гладкие отношения: и те и другие хотели, будь на то силенки, ни с кем не делиться лакомым пирогом — Украинной. Одесса помнила те ноябрьские дни прошлого, двадцатого года, когда над городом дипломатически дружелюбно развеялись рядышком трехцветное знамя добровольческой армии и желто-голубое петлюровское. И вдруг перестрелка, фарсовая драка из-за хрупкой, недолговечной власти.

«Теперь не то, — объяснял Грудницкий Федору. — Власть у узурпаторов-большевиков. Потому Петлюра не против союза ни с польскими панами, ни с царскими офицерами. Они тоже забыли кастовую гордыню — готовы идти в одной упряжке с бандитско-мужицким головным атаманом».

Разоткровенничавшись, Грудницкий рассказал о создании контрреволюционной врангелевской организации («чистой, офицерской, с петлюровским отребьем якшаться не будем»). Оксаненко заинтересовался, согласился встретиться с руководителем организации полковником Гальченко. И вдруг вызов в Цупком, от которого никак нельзя отвертеться.

В тот же день узнал Федор от Грудницкого и красочные подробности о службе Коротюка в денкинской контрразведке.

— Так я за пару часов и собрался сюда по прихоти этого мрачного педанта, — закончил свой рассказ Оксаненко.

— Какого мрачного педанта? — переспросил Грудницкий.

— Да Коротюка же.

— Это Коротюк-то мрачный педант? — изумился Грудницкий. — Ха-ха... Артист, садист и виртуоз в своем деле — вот он кто. Ты бы посмотрел на него на Новосельской, в контрразведке. Мастер маникюров и педикюров! Ну, этих

самых, плоскозубцами. И не силен, вроде бы, но так, как он, ни один здоровяк не мог сдирать ноготочки. Да еще приговаривает: «Терпите, терпите, голубчик, — это красиво. Чтобы быть красивым, надо страдать, — это вам любая баба скажет. Вы любите баб?»... Авербуха помнишь? Того самого, первого у нас офицера из евреев. Ну, слышал по крайней мере. «Я вас поздравляю, социалист Авербух, — говорил ему Коротюк. — Ведь вы могли бы попасть в лапы петлюровских антисемитов, а у них разговор короткий — тотчас порубают шашками, никакого искусства... У нас же, как видите, искусство, школа. Конечно, приходится пострадать, не без этого. Зато — надежда. Чтобы надеяться, голубчик, надо страдать».

Суд заменил Авербуху казнь восемью годами каторги. Коротюк вызвал его из тюремной камеры якобы для вручения листа о замене казни — и в машину. Там у нас уже валялось двое штатских коммунистов. Дело было к ночи. Искали морг. Январь. Холодно. Мы, понятно, погрелись водочкой. Только выехали на Валиховский переулочек, Коротюк себя рукой по лбу: «Да вот же он, морг! Университетский». Подъехали. Вышел дежурный. Коротюк: «Здесь, голубчик, принимают трупы?» — «Здесь», — отвечает. «Ну, обрадовали, голубчик. А то мы битый час морг ищем». — «А сколько трупов?» — «Да сейчас, голубчик, посчитаем, это дело — пустяки. Выходить! Вот они, голубчик, уже голенькие». А троица эта в самом деле была — голые, зеленые, бры! «Помилуйте, — это служитель-то, — мы принимаем только трупы». — «Будут трупы, голубчик. Слово офицера!» Поставили сердешных к стеночке... Ну, и так далее — упокой, господа, их грешные души. И наши тоже, — мгновенно погрузнев, закончил Грудницкий. — Тешились мы, понимали, что придется отдать Одессу большевистской сволочи, но не думали, что случится это так скоро. Они уж и процесс успели провести — «О зверствах денкинских контрразведки» — во как! И этот служитель давал показания, и ректор университета. Он потом с нами долго рядился: осквернили, дескать, храм науки... А Коротюк, стало быть, к Петлюре теперь махнул? Ну, ну! А твердил: нам, дескать, одна дорога — в Черное море.

Рассказ Грудницкого сидел у Федора в голове. Боевой офицер Оксаненко видел и кровь, и страдания, но никакая фронтная закалка не вырабатывает привычки и циничному, сладострастному садизму. И теперь Федору казалось, что

он едет в Киев специально для того, чтобы плюнуть в физиономию Коротюка.

2

На Днепре ледоход. Влажный сильный ветер подгонял льдины, разламывал крошки заберегов. Грязный лед остро пах навозом, дымом, обнажившимися под осевшим снегом приметами уходящей зимы.

Был этот ледоход тревожен, синеват и тускл в предрассветных апрельских сумерках, смазывавших весеннюю пестроту красок. А на высоком берегу, пренебрегая прохладой, а может, и радуясь ей, жались, перешептывались под сырими тополями бесприютные парочки. Только прерываемый мощными ударами больших льдин шорох ледохода и слышался у спящего Екатеринослава на исходе этой весенней ночи.

Невеселое утро вставало над городом. Заботы и тревоги докучали жителям днями, заботы и тревоги снились им по ночам. А кому они не снились в двадцать первом году на Украине? А в России? За буханку хлеба надо было отдать хорошую свитку, за поросенка — справный кожух и пару яловых сапог. Екатеринославцы и не заметили, как привыкли — надо ли, не надо, по пути или крюком — заворачивать к продовольственным складам, что на полдороге от пристаней к центру: авось, приметят завозный товар; усиление охраны — верный знак, что что-то появилось к скудному столу.

Радостной приметой у магазинов были очереди. Раз есть очередь — значит, что-то дают. А коли толпы нет, то и в лову никому не придет подойти. Даже продавца поспросать нет смысла: что они сами знали...

...И вдруг весь весенний предрассветный шорох стал сасмой тихой тишиной, потому что над городом и Днепром прогремело и тотчас рассыпался низом страшный грохот. Громыхнуло так, что собаки в окрестных дворах сперва оглохли и уж потом залаляли растерянно и бестолково.

Трепалов и Ковальчук прибыли к складам вскоре после пожара и милиции. Пожар был невелик. Толпа же возле взорванного склада — большая, возбужденная, озабоченная и даже злая. Слышалось: «Не уберегли...», «Чего не уберегли? Сами украли — следы заметают...», «Ох, горюшко. Це, когда же кончится?..» В сторонке лежали трупы трех сторожей. Один из них, совсем молоденький парнишка, удивленно

на месте уточнить детали операции, подыскать человека, которому предстояло проникнуть в Цупком. Киевская губчека предложила кандидатуру Федора Антоновича Оксаненко. Евдокимов согласился. Его встреча с киевским чекистом состоялась в тот же день.

Федор Антонович немало уже знал и слышал о Евдокимове, но видел его впервые. Приглядевшись, понял, что они ровесники, но Ефим Георгиевич выглядит старше благодаря более суровому и властному выражению лица и глубоким складкам от крыльев крупного носа к подбородку. И у этой какущейся властности, и у неровной, слегка вразвалку походки Ефима Георгиевича была одна причина.

Зимой 1905 года исполком Читинской республики Советов рабочих, солдатских и казачьих депутатов создавал боевую дружину. Ефима приняли: был он по-мальчишески смел и не по-мальчишески крепок и смекалист. В конце января, когда боедружинники героически сражались против карательных отрядов Ренненкампа, Ефима ранило в обе ноги осколками снаряда.

Он точно запомнил этот день. И как было не запомнить! В тот день, в день его пятнадцатилетия, 20 января 1906 года, напрасно ждала его мать. Думала, может, забежит, купила медовых пряников. Ефим последние месяцы редко бывал дома. Враждовал с отцом, отставным солдатом, начисто испорченным царской муштрой. «А-а! Социалист! Выпорю, молокосос!» — закричал он на сына, как только тот объявил себя революционером.

Ефим ушел из-под родительского крова. Ночевал поочередно у товарищей. И как-то само собой стал профессиональным революционером, будто и был рожден для этого.

Товарищи вынесли его с поля боя. Матери и жены товарищей вылечили ноги (благо, мало пострадали кости). Но ходить все-таки было болезненно, он похрамывал, припадая налево-направо. Старался не показывать виду, что больно. Незнакомые люди, увидев его малоподвижное лицо, принимали Евдокимова за человека сурового и даже надменного.

— По нашим данным, ядро Цупкома — кадровые офицеры, — подвел итог Евдокимов. — Вот почему наш выбор пал на вас, бывшего боевого офицера. Очевидно, вам легче, чем кому-либо другому, будет проникнуть в центр.

— Спасибо за доверие!

— Центральный комитет партии придает этому делу особое значение и требует, чтобы Цупком был ликвидирован пол-

ностью еще до начала открытых выступлений мятежников. Предполагаем, что они будут возможны, когда мужики отосятся и когда, по расчетам Цупкома, их легче будет оторвать от земли и поднять на восстание. Как видите, времени — в обрез. Вам надлежит немедленно приступить к делу.

— Я готов.

— Мы в этом не сомневались, Федор Антонович. Вопрос в том, как скорее выйти на главарей и вытащить всю сеть... Что вы думаете об этом?

Федор помолчал с полминуты, затем с определенностью ответил:

— Неделю назад меня звали на свадьбу — отказался, а теперь, думаю, следует пойти. Приглашал Данила Комар, с которым мы служили в одной роте. Кем-то ему жених приходится. Комар — лихой служака, но недалекий человек. Он, кажется, и до сего дня уверен, что каждый храбрый офицер должен ненавидеть Советы...

— Значит, он никак не может думать, что вы подались к большевикам, — усмехнулся Евдокимов. — Георгиевский кавалер — и на тебе, большевик!.. Ну, так каков же ваш план, Федор Антонович?

— Случилось так, — продолжал более свободно Оксаненко, — что я стал как бы его спасителем — было это еще в четырнадцатом. С тех пор он клянется, что жизнь за меня отдаст. Чувствую, самолюбие мешает ему думать, что он кому-то обязан жизнью. Ему было бы легче, если бы не я его, а он меня спас. Виделись мы с ним неделю назад — жаловался на скуку, говорил, что тоскует по шашке и по своему Орлу — так его коня звали. Вот, говорит, жизнь была. У меня нет никаких фактов, но чутье подсказывает, что если Цупком существует, то Данила должен быть к нему близко.

— Ну, что же, Федор Антонович, — подумав, сказал Евдокимов. — Попробуйте этот путь. Когда свадьба, то есть встреча с Комаром?

— Послезавтра.

— Хорошо. Давайте уточнить другие варианты и детали операции. Ждем вашего сообщения о конкретных планах Цупкома не позднее 25 апреля.

За полтора года работы в ЧК у Федора сложились свои убеждения и правила. Поначалу ему казалось, что главное в профессии чекиста — интуиция и импровизация. Первое же дело, в котором он принял косвенное участие — арест на конспиративной квартире денкинского агента, — заставило его пересмотреть такую крайнюю точку зрения: два молодых чекиста, один был другом Оксаненко, поплатились жизнью за лихое пренебрежение необходимой осторожностью, за юношескую самоотверженную дерзость. «Уметь все предвидеть», — думал тогда Федор, тяжело переживавший гибель друзей. И лишь теперь он понимал, что предвидение и импровизация не противоречат друг другу, а помогают. Разведчик, сумевший правильно предвидеть главное, получает большую свободу импровизации в новой и незнакомой обстановке.

...Предчувствие не обмануло Федора.

На свадьбе он только делал вид, что пьет, а сам лишь старался быть оживленным и заметным, понимая, что внимание привлекает как раз тот, кто среди всеобщего веселья и праздничной суеты сидит бирюком. Именно к таким пристают с выпивкой, требуют объяснений, побуждают к скандалам.

Особенно внимательно присматривался Федор к Даниле, который, как всегда, претендовал на роль души общества и, по правде сказать, не без успеха. Федор молча и одобрительно улыбался ему. Когда же Данила, многозначительно попросив внимания, провозгласил тост за то, чтобы «мы всегда пили вот эту нашу — нашу! — добрую горилку, а не московскую водку», — Федор встал и пошел к Даниле с полным стаканом.

— Это ты хорошо сказал.

Данила видел серьезные и даже удивленные глаза Федора и блаженствовал. Имея репутацию отчаянного смельчака, он сам не очень-то ценил ее: дешево давалась. Зато высоко ставил остроумие, завидовал умным людям и теперь в душе торжествовал над Федором, думая, что тот завидует.

— Сказал хорошо, — более мрачно продолжал Федор, — но этикетки на бутылках менять все-таки придется.

— Федор! Федор, — укоризненно зашептал Данила. — Ты ли это, боевой друг, говоришь? А? Может, устал, застоялся без дела?

— Не кори ты меня, Данила, — поморщился Федор. — О каком деле ты говоришь? О чем вообще говорить теперь можно?

— О деле! — крикнул Данила и кулаком ударил себя в грудь. — О настоящем деле, Федор! — он внимательно посмотрел в глаза Федора: понимает ли, — и уже сентиментально спросил: — А ты где, боевой друг?

— Смотри как спрашиваешь, — серьезно и многозначительно ответил Оксаненко. — Просто, — он сделал вид, что замялся, и продолжал, — ...как Данила Комар? Тогда я поговорю с тобой — и точка. Понял?

— Да ты же умница, Федор, — восхищенно зашептал Комар. — За то я и люблю тебя! — Он обнял Федора, крепко прижал к себе и так стоял с закрытыми глазами около минуты. — Я сведу тебя с кем надо.

— Подожди-подожди, — остудил его Федор. — С чем я приду? Два года как не встречался ни с кем из фронтовых друзей, не ел каши из одного котла...

— Я сказал — сведу, значит, сведу, — решительно перебил Комар. — Ты что, не знаешь моего слова? Я поручусь за тебя Чепилке! Я сам! Понимаешь? Сам!

4

Не надо преувеличивать проницательности Федора Оксаненко, но главное он научился угадывать: Комар, пообещав ввести его в Цупком, должен был, по предположению Федора, пойти на все, чтобы представить своего фронтового друга и спасителя как самого надежного человека. Так оно и случилось. Данила приврал руководству Цупкома, что еще зимой, скрываясь, не раз ночевал у Федора и что тот не принимал участия в активных действиях только потому, что долго болел. Последнее было правдой: Оксаненко чуть ли не год пролежал, несколько раз переключиваясь из дома в больницу и обратно с тяжелым плевритом — сказались последствия грудного ранения. Поэтому весь рассказ Комара показался председателю Цупкома Чепилко и его заместителю Наконечному вполне убедительным, а кандидатура бывшего поручика очень подходящей для активной и серьезной работы. Такие были нужны и сейчас. Тем более могли они понадобиться для открытого выступления: среди нынешних атаманов повстанческих отрядов — даже довольно крупных —

многие вовсе не имели военного образования и фронтового опыта.

Спустя несколько дней Федор уже присутствовал на ответственном совещании Цупкома.

...Над Киевом плыл многоцветный пасхальный перезвон. Вереницы горожан и крестьян из ближних деревень тянулись к заутрене. Уже засветлело, и Оксаненко, всматриваясь в прохожих, замечал на лицах — или ему это казалось — ожидание каких-то перемен в жизни. Он тут же внутренне одернул себя. Какие, мол, там перемены: нет, не о переменах, а наоборот, о постоянстве должно мечтать большинство мирных обывателей большого города — вполне объяснимое желание людей задерганных, утомленных неустойчивостью жизни.

Федору вспомнилась реплика тещи, женщины доброй и набожной, искренне уважавшей зятя:

— Мы простые люди, Федор Антонович. Нам бы — господи! — было бы спокойствие. Спокойно на рынок пойти — знать, что не подстрелит какой-нибудь беспутный байстрюк и что найдешь на рынке все нужное к столу. А сейчас крестьянин-то боится в город податься — того гляди товар отнимут.

Оксаненко знал, что нередко такая усталость и неопределенность делает podatливыми чужому влиянию и не таких бесхитростных людей, как его домовитая теща.

...Между тем Комар, идя рядом, оживленно излагал Федору план восстания в Киеве. По его мнению, нужно в такой же вот праздничный день собрать, например, к обедне в один из центральных киевских соборов три-четыре сотни смельчаков, захватить духовенство и прихожан как заложников, превратить собор в неприступную крепость и предъявить большевикам ультиматум. Ну, а если не один, а несколько соборов, то успех гарантирован.

Федор поразился такому нелепому плану.

— Ты, наверно, шутишь, Данила? — спросил он.

Комар шумно возразил и принялся доказывать разумность и осуществимость своей идеи.

— Ну, ладно, — усмехнулся Оксаненко, — давай расскажем о твоём плане полковнику.

Это предложение тотчас остудило пыл Комара.

— Надоело без дела, надоело, — зло пробормотал он и замолчал.

«А у этого от неопределенности и ожидания фантазия иг-

рает, авантюрные идеи в голову лезут. Впрочем, глупости врага — это нам помощь. Худо, когда легкомысленные идеи приходят в горячие головы товарищей». Оксаненко вспомнил гибель своего молодого друга из ЧК, недоучившегося студента Владимира Жиги. Сдружила их любовь к поэзии, хотя Федор отдавал главную привязанность Ивану Франко, а Владимир перевозносил Маяковского. Хитро проникнув в одну из петлюровских банд, Владимир, как потом узнали чекину из рассказа арестованного бандита, надумал агитировать за мировую коммуну, общее хозяйство, за всеобщее равенство и уничтожение семьи — и поплатился за свою горячность.

Оксаненко нередко подшучивал над этой горячностью и фантазиями Жиги. Тот еще больше кипятился, наседали: пора, мол, Федору из сочувствующих переходить в большевики. Оксаненко не спорил, но уверял, что главное сейчас — очистить землю от нечисти: убийц и спекулянтов, проходимцев и мазуриков — а там, мол, посмотрим. «Ради этого я и пошел в чрезвычайную комиссию», — говорил он. Так оно и было.

Еще весной 1919 года Оксаненко случайно встретил в городской управе, где тогда временно работал, бывшего своего солдата Дегтярева — у того здесь были какие-то продовольственные дела. «А не здесь вам нужно быть, Федор Антонович, — с ходу заявил Дегтярев. — Шли бы к нам, в особые отряды ЧК. Очень нужны нам умелые командиры». Предложение было смелое, но не случайное. Дегтярев прослужил под началом Оксаненко более двух лет, показал себя храбрым и умным солдатом. Когда не то в ноябре, не то в декабре шестнадцатого (точно Оксаненко не помнил) в полку вылавливали большевистских агитаторов и один ротный фискал указал Оксаненко на Дегтярева, поручик вызвал солдата к себе. Он не поверил доносу, считая, что не может один и тот же человек храбро воевать и призывать к братанию с немецкими солдатами. Оказалось, что может. Тогдашний откровенный разговор быстро и естественно перешел на высокие материи: что такое интересы народа и отечества, долг и верность присяге, честность и мужество. «Я понимаю, Дегтярев, что вы так поступаете из идейных соображений, — подытожил беседу Оксаненко. — Но я — тоже из идейных соображений, верности присяге — подвергну вас аресту и доставлю согласно приказу в штаб полка. Единственно, что я делаю для вас лично, — даю возможность в оставшиеся полдня уничтожить наиболее опасные доказательства вашей деятельности».

Оксаненко действительно был убежден, что обязан выполнить приказ, но, когда давал Дегтяреву полдня, все-таки немного лукавил с собой. Допускал, что Дегтярев может воспользоваться моментом и дезертировать. Этого Оксаненко даже втайне желал, поскольку бегство солдата-агитатора механически устраняло необходимость выполнять приказ. Но Дегтярев остался, а Оксаненко приказ нарушил. Он осуждал себя за такое нарушение, но чувствовал, что поступает против убеждений не только из симпатии к Дегтяреву.

Вскоре его ранило в бою. Ранение было поверхностным, но пострадала плевра, а помощь опоздала. Начался гнойный плеврит, который замедлил выздоровление и сделал Федора Антоновича вообще податливым простуде. Во время госпитальной волюнки у Оксаненко была возможность подумать о многом, и он понял, что за его личной симпатией к таким, как Дегтярев, было то общее отношение к бесцельной и бездарной войне, которое объединяло лучших людей из низов и честных офицеров-окопников.

Тогда, в управе, на предложение Дегтярева Оксаненко ответил, не раздумывая: «Нет! Видите ли, Дегтярев, я не большевик. И как я буду убивать тех, с кем еще недавно вместе воевал против Кайзера?»

«Да нет, Федор Антонович, — возразил Дегтярев. — Это не такие офицеры, как вы. Мы, солдаты, между прочим, с первого взгляда понимали эту разницу и на германской войне. А сейчас и подавно».

Тогда Дегтярев не убедил Оксаненко. Но время шло. Летом того же девятнадцатого, когда был раскрыт заговор, которым руководил бразильский консул граф Пирро и в котором участвовало немало офицеров, кто-то из арестованных — то ли по ошибке, то ли со зла — назвал на допросе и фамилию Оксаненко. Федора Антоновича арестовали, но уже через два дня освободили, извинившись за ошибку. Ему было возвращено и взятое при аресте имущество, а чекист, совершивший это должностное нарушение, был подвергнут аресту (существовал приказ председателя ВУЧК Лациса, запрещающий изымать при аресте вещи, не имевшие прямого отношения к делу). Эта щепетильность чекистов удивила Оксаненко. «До строгого ли соблюдения инструкций, когда Деникин подбегается к Киеву?» — размышлял он и решил, что внимание к нему — результат дружелюбия Дегтярева. Но оказалось, что Дегтярев вовсе ни при чем, что он погиб еще в апреле во время ликвидации кулацко-белогвардейского выступления

в Миргороде, через два-три дня после памятного разговора в управе. Федор Антонович поинтересовался обстоятельством, вами и узнал, что произошло это по нескольким причинам, не последней среди которых была и малоопытность советских военных начальников.

Между тем, денкинцы приближались к Киеву. Оксаненко пошел в ЧК и сказал о своем согласии с предложением Дегтярева. Об этом предложении, конечно, никто не знал, но отнеслись к Федору Антоновичу со вниманием. У руководства Киевской губчека возникла иная идея, и Оксаненко, пока лежавший, принял ее, потому что второй шаг, даже если он смелее первого, сделать все-таки легче. Он согласился остаться в Киеве в случае, если город окажется занятым денкинцами, войти к ним в доверие и выполнять поручения оставшихся в подполье сотрудников ЧК. Новое знакомство с белым офицерством осенью девятнадцатого года окончательно убедило Оксаненко, что большинство его бывших коллег полностью забыло и о чести, и о назначении служить своему отечеству.

И вот теперь, идя рядом с Комаром, он думал о нем как о враге и как о товарищах думал о соратниках покойного Дегтярева.

Тем временем они подошли к Владимирскому собору, повернулись возле служки, продававшего свечи, и незаметно — это было нетрудно сделать в скоплении прихожан — вошли в служебные помещения собора. Несколько коридоров и дверей — вот они в небольшом зале, в котором уже было около дюжины человек, из которых Оксаненко знал одного лишь председателя Цупкома полковника Чепилко. Все были возбуждены, потому что ждали выступления заместителя председателя комитета, только что прибывшего из Варшавы, из ставки Петлюры.

— Братья, — многозначительно начал Чепилко. — Разумеется, все вы ждете, что скажет наш посланец к главному атаману. Поэтому послушаем его, а потом я доложу обстановку и мы обсудим план дальнейших действий.

Из-за стола поднялся плотный мужчина. Осанка и выправка как у офицера, и штатский пиджак свой одернул он, как офицерский френч.

— Братья, — торжественно начал Наконечный, — головной атаман Симон Петлюра высоко оценил проделанную нами работу. Он призывает нас быть готовыми к всеобщему вооруженному восстанию для освобождения Украины от

Ефим Георгиевич и, заметив озабоченность на лицах слушателей, заключил: — Конечно, это всем нам нелегко. Железо ковать и шашкой рубить проще и привычнее, но будем учиться...»

Между тем Чепилко перешел к изложению планов военной стратегии боевых операций, а Федор поймал себя на том, что, несмотря на напряженное внимание, отвлекся на размышления. Впрочем, он еще не умел пассивно слушать, способность критического восприятия мешала простой механической работе запоминания.

— ...И вот все эти мелкие отряды, — говорил Чепилко, — нужно подчинить нашим головным соединениям. Мы надеемся, что присутствующие здесь атаманы незамедлительно возьмут на себя эту работу. И повстанкомы тоже должны уточнить платформу каждой оппозиционной группы на своих территориях, их численность и боеспособность, поставить во главе верных людей, которые станут действовать не по своему разумению, точнее — неразумению, — съязвил Чепилко, — а по указанию центра, согласованному с головным атаманом. Строптивых ликвидировать.

Чепилко, дотоле быстро ходивший перед большим столом и редко, но размашисто жестикулировавший правой рукой, теперь сел и пристально посмотрел на командиров банд. Все они были моложе полковника и менее опыты. Один только Мордалевич держался почти на равных с руководством Цупкома, не исключая и его председателя. Долгая работа учителем наложила на его внешность заметный отпечаток. Двигался он неторопливо, с достоинством. Учительские интонации особенно ощущались в его вопросах, подчас он даже, как будто обращаясь к школьникам, начинал вопрос явно неуместным: «А скажите-ка...» И это часто было неприятно собеседникам.

Вот и сейчас после короткого молчания участников совещания Мордалевич спросил:

— А скажите-ка, доведет ли Цупком до сведения командиров основных частей конкретное задание, какие и где расположенные мелкие отряды должны мы к себе присоединять?

— К сожалению, мы не можем этого сделать, — ответил Чепилко. Он был явно недоволен и содержанием, и тоном вопроса. — Ни точное число самостоятельно действующих повстанческих отрядов, ни их расположение нам неизвестно. Пан атаман должен понять, насколько это трудно сделать:

многие такие отряды старательно скрывают свое расположение... — Более того, — подхватил Мордалевич, — большинство их вместе с атаманами только и мечтает, как бы сдаться Советам, и не делает этого только потому, что боится наказания. Всегда ли, скажите-ка, целесообразно большому отряду присоединять к себе такие группы. Они могут лишь подпортить боевой дух нашего воинства, — усмехнулся Мордалевич.

— Я не совсем понимаю, кого и с какой целью атаман Мордалевич пытается убедить в неполноценности наших воинских частей? — резко бросил Чепилко.

— Не об этом речь, пан председатель, — спокойно возразил Мордалевич. — За свою тысячу сабель я пока ручаюсь. Единственное, к чему я призываю всех, — это трезвая оценка наших возможностей и общей обстановки. Аграрная политика московского правительства и объявленная амнистия — вот наши главные противники, и, как мы ни пытаемся держать людей в неведении, кое-какие вредные сведения в отряды просачиваются.

— Что же вы предлагаете?

— Я не предлагаю... Я полагаю, что нельзя далеко откладывать решительные действия. Трудно ожидать, что обстановка будет улучшаться и что, несмотря на свою политическую неразвитость, рядовые повстанцы не поймут вскоре, что сопротивление большевизму бесперспективно, да, может быть... и не нужно, — неожиданно закончил Мордалевич.

Стало тихо и тревожно. Молчал и Чепилко, беззвучно открывая губы и не зная, как реагировать на заявление Мордалевича. Остальные тоже молчали, не решаясь вступать в спор с авторитетным командиром. Лишь горячий Комар равнулся было дать отпор неуместному философствованию, но Оксаненко сильно схватил его за руку и решительно, громко шепнул: «Молчи!» Федор хотел услышать продолжение странной речи Мордалевича, интересна была бы и реакция Чепилко. Тот, однако, не спешил с ответом, очевидно, понимая его важность.

Казавшееся слишком долгим молчание длилось на самом деле не более полуминуты, но этого времени председателю Цупкома хватило, чтобы принять решение. Нет, он не будет спориться с сильным атаманом, но не станет и прямо поддерживать его.

— То, о чем говорит пан атаман, стоит выслушать очень

анимательно, — сказал он, не подымаясь с места, чтобы не выдать своих чувств. — И учесть, — как учесть, Чепилко не пояснил. — Безусловно, братья, что одной лихостью победы не достичь. И я надеюсь, что вы не поняли слова пана Мордалевича как призыв идти на поклон к большевикам...

— Есть логика борьбы, — мрачно бросил Мордалевич.

— Вот именно, — внешне обрадованно подхватил Чепилко, хотя, видимо, понял мысль Мордалевича. — Есть логика борьбы и есть верность знамени, — с пафосом закончил председатель Цупкома.

Совещание закончилось.

Едва разошлись атаман и большинство представителей повстанкомов, Чепилко и Наконечный подозвали Федора и приказали собираться в Одессу. Объяснили они это распоряжение тем, что оттуда не было человека, что обстановка там неясная и сложная.

— Выезжайте немедленно. Кстати, через час с небольшим поезд, если по расписанию.

— Нужно, чтобы мой отъезд не вызвал подозрений.

— Кто вас заподозрит? Вы же не состоите на службе.

— Семья. Соседи.

— Семья?

— Да, господин полковник. Я посчитал, что даже жене не стоит сообщать о работе в Цупкоме. Она считает меня мирным обывателем и довольна этим.

— Это хорошо, поручик. Однако постарайтесь найти предлог и непременно завтра будьте в Одессе. Явки и пароли получите сегодня же у Коротюка. Комар поможет с отъездом.

5

Чрезвычайной необходимости ехать в Одессу не было. Это Федор понимал, и потому напряженно искал действительную причину распоряжения цупкомовского руководства. В самом деле: какой резон удалять из повстанческого центра кадрового офицера, тем более уже вникшего в сокровенные детали готовящегося восстания. И зачем направлять его в Одессу — один из относительно благополучных районов движения, где уж кого-кого, а офицерства, настроенного против Советской власти, вполне достаточно? «Итак, объяснение — ложно, — решил Оксаненко. — Что же стало поводом неожиданного решения, которое лишало его возможности до

конца выполнить поручение Евдокимова? Что могло вызвать подозрение Чепилко и Коротюка? Но почему сразу же «подозрение»? — остановил свои раздумья Федор. — На секретное совещание его пригласили? Пригласили! Значит, еще несколько часов назад оснований для подозрений не было. Вряд ли они могли появиться во время совещания. А если бы появились, то был ли смысл отпускать его, подозреваемого, с миром и — главное — с новой информацией? Конечно, ненадежного человека, тем более вражеского агента, можно и не спешить убирать, скажем, в Киеве, когда это можно и не спешить убирать в дороге. Но и в этом случае — зачем незаметно сделать в дороге. Но и в этом случае — зачем давать этому агенту хотя бы несколько часов, которые он может использовать для передачи ценнейших сведений? Нет, Коротюк не дурак, — решил Оксаненко. — Видимо, здесь не подозрение. Его продолжают считать своим, но не довольны. Чем?»

Федор придирчиво перебирал в памяти все детали совещания и остановила его внимание только одна. Он и без того считал большой удачей, что сумел так быстро получить важнейшие сведения о составе руководства Цупкома, завоевать доверие и расположение Чепилко и Коротюка. Ну, а на совещании ценнейшие сведения сыпались на него как с небеса. Что и говорить, удача была на этот раз необыкновенно щедрой и окрыляла. И Федор, увлеченный ею, забыл заповедное правило — не торопить событий, не срывать незрелых плодов. Сказанное Мордалевичем о мелких и ненадежных повстанческих бандах, об отсутствии точных данных о них подсказало Федору вопрос, который он, немного поколебавшись, рискнул задать Чепилко:

— Пан председатель, не кажется ли вам, что было бы полезно установить хотя бы приблизительно дислокацию мелких и ненадежных отрядов, их перечень с прикреплением к большим соединениям атаманов Мордалевича, Богатыренко, Гальчевского, Орлика и других надежных командиров?

И председатель Цупкома, немного подумав, возразил:

— Как только это покажется мне нужным, мы обдумаем ваше предложение, поручик.

Еще раз вспоминая эту реплику, Оксаненко отчетливо восстановил в памяти прозвучавшую в тоне ответа интонацию недовольства и сообразил теперь, что вызвано оно было, во-первых, неуместной, не по чину активностью Федора, и, во-вторых, лишним напоминанием о серьезных слабостях движения и некомпетентности центра, то есть самого Чепилко.

«Именно этим, личным мотивом и можно, пожалуй, объяснить неожиданное распоряжение», — решил Федор.

Он понимал: главное сейчас — передать в ЧК важные новости, но не знал, как это сделать. Куда было деться от Комара!

— Слушай, Данила! А добудем ли мы с тобой билет? — спросил он своего спутника. (Хорошо бы, подумал про себя, задержаться хотя бы на несколько часов.)

— Об этом не беспокойся, — возразил Комар. — У меня есть там свои люди. Да на худой конец и без билета уедешь — дело нехитрое.

— Уеду, говоришь? Ну, тогда давай заглянем в какой-нибудь подвальчик. Выпьем накоротке да придумаем, что соврать моей жинке насчет отъезда.

В подвальчике, каких тогда много расплодилось на Крещатике, было шумно, хотя хозяин, как будто строго выполняя распоряжение власти, не выставлял спиртных напитков. Между тем, некоторые посетители были явно навеселе. А на крохотной сценке, где, кроме фисгармонии, могли бы уместиться разве что скрипач и певец, щуплый и лохматый парень смело выкрикивал незнакомые и не очень понятные стихи:

Дней бык пег.

Медленна лет арба.

Наш бог бег.

Сердце наш барабан.

Двое других парней, сидевших неподалеку от возвышения, дружно подхватывали после каждого четверостишия: «Ба-ар-баны! Ба-ар-бей!» — и подстукивали в такт ладонями по столу.

Под этот разноголосый шум и не утихающую болтовню Комара Федор напряженно искал, как передать в ЧК столь важное и столь нужное сообщение.

— Не знаю, Данила, что соврать, да и боюсь, не сумею, — признался он Комару.

— Вот те раз, — хохотнул Данила. — Неужто ни разу не привелось обмануть жинку?! Первый раз вижу такого чоловика!

— Смейся, смейся, но, право, затрудняюсь.

— Да скажи, что едешь в Фастов сала подешевле купить. Адресок, мол, имею, а там еще что-нибудь придумаешь.

— Не поверит, — возразил Оксаненко, не объясняя, что такая предприимчивость мужа несказанно удивила бы Оксану.

— Чему ж тут не поверить? Дело ясное, житейское. Кто сейчас не промышляет харчей?!

— Так-то оно так... — задумался Федор. — Слушай, Данила, сослужи службу. Что мне переться домой, с женой объясняться. Напишу я ей письмо, а ты, друг, отнеси, не сочи за труд. Скажи: так, мол, и так была срочная оказия... ну, еще что-нибудь придумаю.

— Дело, Федор, — одобрил Комар и тотчас, поискав во круг, протянул Оксаненко листочек меню. — Вот здесь и изобрази свое послание.

Оксаненко взял листок и броско вывел на свободном месте: «Кохана Ксана!...» Комар, краем глаза заметив это начало, ухмыльнулся и после этого деликатно отвернулся в сторону сцены, на которой продолжал декламировать все тот же студент. Оксаненко стал торопливо писать поверх гастрономических строчек. Даже сидящий рядом, бегло взглянув, не мог бы прочесть написанного. Конечно, Федор и не думал полностью доверять Комару — отдавать записку. Важно было усыпить его бдительность.

Оксаненко смял листочек и сунул его в карман пиджака. — Что я, в самом деле! Пошли друже, время дорого. Скажу, как ты советуешь.

— Вот и гарно, Федор. Пошли!

— Ну, сучьи дети, — сказал Комар, когда они вышли на улицу, — Как это они: «По оробелым! Грянь парабеллум!» А? Крепко, Федор?

— Крепко, крепко, Данила, — не без тайной радости подтвердил Оксаненко. — Это стихи модного большевистского поэта Маяковского.

— Тьфу, оканные!

— Оксана, — волнуясь и со всей убедительностью, на которую был способен, сказал Федор, когда они вошли в квартиру и поздоровались. — Не расспрашивай меня — некогда рассказывать, подвода ждет. Прости, спешка такая, не думал даже, что успею забежать попрощаться, письмо вот писал, хотел через Данилу передать. Дай только мой синий пиджак — переоденусь.

— Господи! Да что за спешка! — всплеснула руками Оксана Гавриловна.

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Комар. — Федор Антонович скоро вернется и — бог даст! — не пустой.

Оставшись одна, Оксана Гавриловна достала из кармана

мужнина пиджака смятую записку, расправила ее и поначалу ничего не могла понять в странном послании, потом с испугом вчитывалась в знакомый почти каждому киевлянину и по представлениям обывателей страшный адрес губернской ЧК, куда просил ее немедленно, но с самой наибольшей осторожностью пойти Федор, чтобы передать это самое письмо, в котором было сказано следующее: «Передай, пусть меня встретят на перроне одесские чекисты. Скажи, в чем буду одет, чтобы опознали».

В ЧК она пошла в тот же день, незадолго до полуночи, передала записку дежурному. Ее тотчас же принял начальник одного из отделов губчека. Оксана Гавриловна не могла ему сказать многого, и все-таки она не сказала ему того, что должна была сказать, — что Федор был не один. Почему она умолчала об этом, мы не узнаем теперь никогда.

...Оксаненко не спешил выходить из вагона, подождал, когда схлынет поток приехавших: опасался, что его могут не приметить, а идти в Одесскую ЧК не рисковал — вдруг на перроне есть кто-нибудь из местного повстанкома.

Его встречали. Одесский чекист хорошо изобразил случайную встречу старых друзей. И пока он обнимал Федора, тот успел незаметно передать ему написанное в поезде подробное сообщение о совещании Цупкома.

6

— Слушаю, Ефим Георгиевич, — председатель ЧК предложил Евдокимову сесть. — Срочное дело — значит, чрезвычайно важное дело. Так?

— Именно так, Василий Николаевич. Мы получили сообщение Оксаненко, которое требует принятия неотложных мер.

Евдокимов подробно рассказал о совещании Цупкома. Его рассказ был намного содержательнее записки Оксаненко. Нацарапанные на меню отрывочные сведения были сопоставлены с уже известным, и картина получилась довольно ясная. Манцев слушал со вниманием и явным одобрением.

— Ну, что же, — сказал он. — Будем считать, что Оксаненко поработал очень недурно. Напомните мне, Ефим Георгиевич: в свободную минуту я перескажу вам один примечательнейший разговор с Оксаненко. А сейчас о неотложных мерах... Что касается агитационно-пропагандистской работы в связи с планами мятежников, то об этом нужно немедленно

доложить в Центральный комитет — там примут меры. Давайте обсудим то, что непосредственно по нашему ведомству. Это, во-первых, уточнение данных о местах повстанческих комитетов, во-вторых, засылка нового разведчика в Цупком и, в-третьих, перехват курьера Петлюры для того, чтобы как можно скорее узнать дату планируемого выступления. С этого, как самого главного, и начнем. Твое мнение, Григорий? — обратился Манцев к Ковальчуку.

Василий Николаевич знал Григория Ковальчука еще с двенадцатого года. Пятнадцатилетний Григорий выполнял тогда редко задания екатеринославских большевиков и очень скоро прославился особенной изобретательностью и изворотливостью. Иногда они, правда, соединялись с явным озорством, за это подростку изрядно попадало от старших. Однажды в споре с Манцевым Гриша буркнул: «А вот здесь написано!» — и выложил один из выпусков популярной серии о похождениях супер-сыщика Пинкертона. Манцев едва взглянул на тонкую сенькую книжонку, безжалостно разорвал ее на четыре части. Григорий, не будь он бравым подпольщиком, убежденным в недозволённости для настоящего революционера никакой чувствительности, может быть, и расплакался бы или, наоборот, возмутился. Он не сделал ни того, ни другого. А Манцев сказал: «Уж не хочешь ли ты стать таким же сверхчеловеком, как этот?» — и столько презрения было вложено в последнее слово, что Григорий не решился расспрашивать. Откровенно говоря, он не понимал еще до конца, почему нельзя кое-чему поучиться у Шерлоков Холмсов, Ников Картеров и Натов Пинкертонов. Он всегда увлекался самим процессом выполнения задания, особенно если оно было трудным и не имело стандартного решения. Никто не мог отказать Григорию в смекалке. Он сам гордился ею, как вдруг однажды обнаружил, что гордится ею корыстно. Как-то Ковальчук предложил оригинальный способ доставить нелегальную литературу в казарму. План приняли, а задание поручили не ему, а другому. Это было правильно, но изобретатель обиделся и позже, когда представился такой же случай, заявил: «Есть другой путь. Обещайте, что поручите мне». — «Давай, Гриша, без авторского самолюбия, — сурово возразил Манцев. — Ты не одиночка, работаешь в организации».

Григорий смирился. Он понимал разумность и справедливость партийных требований. А окончательно одумался, когда заметил, что раз-другой его — кровные его, специально для

него созданные операции — поручали другому парню, его ровеснику, но более степенному, рассудительному и пунктуальному в выполнении поставленных заданий. Григорий неделю ходил сам не свой, а потом не выдержал, пришел объясняться к Манцеву. «Спасибо, что сам явился, а то мне пришлось бы идти к тебе, — сразу подкупил Григория честным признанием Манцев. — Очень мне не хотелось бы потерять тебя, Гриша». Василий Николаевич был особенно задушевен в этом разговоре, может быть, потому, что понимал кризисное состояние молодого революционера. «Почему ему, а не тебе? Вот почему. Здесь достаточно было точно выполнить, что сказано, тем более, что с пунктуальным выполнением этого задания многими ниточками были связаны действия еще нескольких наших товарищей. Не спорю, ты мог бы придумать что-нибудь интересное и полезное, чтобы поймать журавля в небо. Но это, во-первых, было связано с риском, и, во-вторых, нам достаточно было синицы. Так что простая целесообразность подсказывала нам: с этим делом лучше справиться Остап, а не ты. И тебе есть дело, и действовать нужно немедленно, потому что от наших действий зависит судьба десятых солдат — двух большевиков и восьмерых сочувствующих, которым грозит полевой суд. Понимаешь, что это такое? Их обвиняют в измене — обнаружили листовки, призывающие к братанию. Все обвинение построено на показаниях этого типа, — Манцев показал Григорию фотографию известного агента охраны. — Надо ликвидировать или полностью дискредитировать агента и уничтожить вещественные доказательства. Действовать придется прежде всего по обстоятельствам: известно нам немного, правда, самое основное...»

...И вот теперь, спустя лет пять после того разговора, Манцев как будто видел перед собой того же Гришу Ковальчука. Так же горели глаза. Так же сыпались оригинальные предложения и идеи.

— Я бы, правда, хотел начать с первого, с комитетов, — попросил Григорий разрешения у Манцева. — Надо воспользоваться тем, что Цупком не знает ни своего подполья, ни своей армии. Мы создаем ложное подполье и ложные банды по всем губерниям, в основном вдоль границы, а то, что агент Петлюры попадет в мой отряд, замаскированный под повстанческую банду, я беру на себя. Разрешите показать на карте, где целесообразно развернуть ложное подполье.

— Нет, Григорий, не надо, — прервал Манцев. — Все это

как раз нецелесообразно, хотя использовать неосведомленность Цупкома, конечно же, нужно. Придется тебе немного заняться поллитграммой.

Манцев говорил резко, и эта резкость была понятна только ему. В который раз, выслушивая неожиданные, а подчас и фантастические планы Ковальчука, он ловил себя на том, что сожалеет о несостоявшемся стратеге и никак не желает признать, что Григорию достаточно быть талантливым и удачным оперативником, какие тоже очень нужны.

— Ну, ладно, Гриша, — продолжал он уже мягче. — Отвечь мне на несколько вопросов. Из кого, во-первых, ты намерен сколачивать новые банды, если и в нынешние-то нет мерен фактически никакого притока? Ну, допустим, ты знаешь решение первой задачи, тогда ответ на такой вопрос: как повлияет увеличение количества банд на настроение населения? В-третьих, как ты будешь в течение нескольких недель поддерживать за мнимыми бандитами репутацию надеющихся? Или они ни в кого не будут стрелять? В-четвертых, что сейчас выгоднее: создание ложного движения или разложение реальных повстанческих организаций и объединений?

— Ладно, Василий Николаевич, — вздохнул Ковальчук. — Достаточно. Вы, как всегда, правы.

— Ну, ты меня не умамливай, — улыбнулся Манцев. Улыбался он как-то застенчиво и наивно. Его тонко очерченное лицо, светлые глаза под правильными, на зависть девушкам, дугами бровей приобретали совсем мечтательное лирическое выражение, а маленький рот казался совсем безвольным. В эти мгновения и вовсе не верилось, что у этого хрупкого, узкоплечего интеллигента за спиной участие в трех революциях, эмиграция, многочисленные аресты, ссылки, победы, фронты гражданской. Он и на самом деле был добрым, мягким и вежливым человеком, мужественным чекистом, твердым, волевым организатором.

— Не умамливай меня, Гриша, — повторил Манцев. — Был и я неправ, а ты, наоборот, прав. Над операцией по дезинформации Цупкома подумай, но не забывай, не забывай о политической стороне: она главная. Не спеши, но через час жду тебя с подробным планом. А мы с Ефимом Георгиевичем обмозгуем остальное.

— Артист, — заметил Манцев, едва Ковальчук прикрыл дверь, — прирожденный разведчик, но избыток воображения! Все хочу сделать из него руководителя. Но, с другой стороны, — может, и не нужно?! Исполнитель-то он исключи-

тельный! — размышлял вслух Манцев. — Пять лет назад поручили мы ему операцию, в исполнимость которой сами не очень верили, но дело шло о спасении десятка товарищей. Справился — да еще как. Мистифицировал жандармов, похитил секретные документы, а сам вышел сухим из воды, еще и другом жандармского ротмистра стал, который за него же поплатился чином и званием. Ну да, к делу, Ефим Георгиевич. Как вы думаете перехватывать петлюровского курьера?

— Может быть, так?

...Манцев, Евдокимов и пришедший через час Ковальчук совещались до полуночи. План действий показался им вполне надежным, хотя из-за неполноты информации и невозможности откладывать принятие мер он содержал «дыры», которые предполагалось в случае надобности «заштопывать» на ходу. Ковальчук после совещания возвратился к себе в Екатеринослав, откуда приехал только на два дня по вызову, а Манцев и Евдокимов договорились встретиться еще и завтра для разработки плана действий на случай, если посылный Петлюры сумеет благополучно добраться до Цупкома.

7

Майским ранним утром по Голосеевской улице устало шел одетый в коричневую вельветовую куртку мужчина лет тридцати. Подойдя к стоявшему в глубине сада особняку с небольшим и нелепым для такого строения портиком, он остановился у калитки и уверенно, хотя и не очень сильно, постучал цеколдой. Послышался свирепый лай, а затем женский голос, успокаивающий собаку.

— Что вам? — спросили из-за калитки.

— Данилу повидать, — ответил, приветливо улыбаясь, незнакомец. — Привет ему привез от далекого друга.

Калитка отворилась.

— Проходите. Только уходит он скоро. На службу.

— Что вам угодно? — коротко, с достоинством спросил Комар незнакомца, когда они остались вдвоем.

— То не ваш брат весной продавал быков на базаре в Фастове? — дружельюбно и со значением спросил тот в ответ.

— В Фастове он не был, — живо откликнулся Комар. — А вот в Белой Церкви торговал мясом.

— От Фастова до Белой не так уж далеко.

Услышав пароль и отзыв, Комар спросил:

— Кто вы и откуда?

— Игнат Щербина, — спокойно ответил пришелец. — Оттуда. Головной атаман и батько Тютюнник шлют вам привет.

С этими словами Щербина подал мандат, подписанный Петлюрой. Прочтя его, Комар с ожиданием взглянул на Игната. Тот понимающе кивнул головой, потом сел, снял сапог, заткнул в него руку и, покопавшись под стелькой, вытащил медную монету. Комар внимательно осмотрел ее под лампой — лицо его просветлело, он с улыбкой подошел к гостю и крепко пожал ему руку.

— Я сразу понял, кто пришел, — сказал он, набивая цену своей пронизательности, — но, сами понимаете, конспирация. Заждались мы вас, дорогой Игнат. Сегодня же организуем вам встречу с руководством комитета, а сейчас спешу на службу, чтоб она...

— Что за служба?

— Да служба-то неплохая: кооператор я, могу ездить по губернии. Ну, до вечера. Ждите меня здесь.

— Эх, жаль время терять, — с огорчением заметил Щербина.

— Не торопитесь, пан сотник. Вы, поди-ка, давно не были в Киеве. Он ведь теперь другой, враги на каждом шагу. Осторожность не повредит. И себя погубить можете, и явку ненаороком провалите. Да и отдохнуть вам нужно с дороги. Ганна! — окликнул Комар жену. — Прими гостя, как родного.

Весь день сотник Игнат Щербина пролежал в кровати, попивая медовуху и насвистывая «Дьявольсь я на нзбо» и еще какую-то мелодию, происхождение которой Ганна Павловна, не очень музыкальная в отличие от большинства украинок, прирожденных песенниц, не могла угадать.

— Лежит, довольный, — сообщила она мужу, едва тот вернулся домой.

Комар повеселел и, войдя к гостю, радостно произнес:

— Ну, дорогой пан сотник, собирайтесь, нас ждет Коротюк, а может быть, — он заговорщицки подмигнул правым глазом. — и кое-кто повыше.

— Они-то и нужны, дорогой Данила, — весело и самоуверенно откликнулся Щербина. — Кое-кто! Кое-кто, дорогой Данила.

— Ну, уж... — развел руками Комар, — остальное зависит от Коротюка. Сами понимаете, конспирация.

Он объяснил гостю, как они выйдут со двора (сам Комар

через парадное, а Щербина черным ходом), где Игнат построится в двадцати метрах за своим провожатым, и как он войдет в домик Власа-сапожника. И пока он это говорил, с лица Игната Щербины не сходило выражение снисходительности к столь детским вещам, а в глазах и в многозначительной гримасе рта читалось: Коротюк-Коротюк... Э-э, дорогой Данила, мне и пану головному атаману нужен кое-кто другой, с кем мы и обсудим наши дела. Такое поведение гостя не только не обижало Комара, но, напротив, нравилось: значительность пана сотника, специального уполномоченного головного атамана Симона Петлюры, подчеркивала и значительность Данилы Комара, с которым у Игната Щербины устанавливались явно доверительные отношения.

8

Приземистый домик сапожника Власа внутри оказался вместительнее, чем представлялось снаружи. Из самой мастерской, где простоватый старичок принимал клиентуру, невзрачная дверь вела в чулан, переоборудованный в явку. Здесь Игната Щербину и встретил Данила Коротюк, скромный штатский вид которого не мог скрыть от опытного глаза осанки кадрового штабиста. Введя гостя, Комар оставил эмиссара Петлюры наедине с начальником цупкомовской контрразведки. А если бы остался, то стал бы свидетелем напрасной, как ему, конечно, показалось бы, траты времени, которую затеял педант Коротюк: рубака Комар не испытывал к нему, штабному офицеру, никакой симпатии.

Между тем Коротюк, хотя Щербину привел свой, снова придирчиво осмотрел и мандат, подписанный Петлюрой, и монету, да еще приложил к ней другую, с такими же насечками: они совпали. Щербина наблюдал за этой процедурой снисходительно, но виделось, что он подтянулся и сосредоточился, понимая, что этот чиновник в интеллигентском пенсне — отнюдь не проstack и не сторонник панибратства.

Так оно и было. Опытный контрразведчик царской армии, Данила Степанович Коротюк повидал на своем веку таких асов разведки, особенно германских, таких хитроумных мистификаторов, что твердо усвоил правило — проверять и проверять, причем наиболее тщательно и въедливо проверять очевидности, ведь именно на очевидностях обычно и поскаль-

зываетесь, поскольку нет такой очевидности, которая не имела бы скрытого опровержения.

— Позвольте ваш пистолет, — попросил Коротюк.

— Я думаю, — возразил пришелец, — вам будет нужно еще одна револьвер, а этот бельгийский маузер.

Коротюк внимательно его осмотрел, сличил номер с цифрами в своей записной книжке и лишь после этого сказал:

— Мы сдали вас, пан сотник. Сейчас вы увидите заместителя председателя Цупкома.

С этими словами он встал из-за стола, подошел к пристенному шкафу, открыл дверцу, за которой обнаружилась еще одна, открыл ее — и оба оказались в простом, но чинном помещении, заставленном скамьями, из чего можно было заключить, что помещение предназначалось для совещаний, в которых могло участвовать дюжины две человек.

Коротюк молча протянул Наконечному пистолет. Тот живо схватил его, едва взглянув, улыбнулся, как старому другу, и тут же заговорил, шумно и быстро, не ожидая реплик Щербины:

— Я ждал вас. Ждал вас обоих. — Он кивнул на пистолет, лежащий на столе. — Вы ведь знаете, как привыкаешь к оружию? А этот маузер мне памятен и дорог, да, пан сотник, дорог. Он дважды спасал меня от смерти и трижды приносил смерть моим самым заклятым врагам. Почему вы не спрашиваете, кому? Да, кстати, как нога генерала Тютюнника? А? Как он?

— Да... как... все так же, — неопределенно ответил Щербина. — А что касается оружия, то позволю себе заметить, что предпочитаю бельгийскому маузеру револьвер.

— Да-да, да-да, — пробормотал Наконечный, переключаясь уже внутренне на главную тему. Он сел, пригласив сестру и гостя, и засыпал его вопросами. Заместителя председателя Цупкома интересовало многое: настроения в ставке головного атамана, ход подготовки к наступлению на Украину, вооружение, командиры дивизий, отношения с союзниками. В ходе беседы он отвлекался, однако, и на мелочи, показывая свой интерес и к судьбе некоторых своих бывших знакомых, сослуживцев, подвизавшихся при головном атамане. Сотник Щербина, наоборот, обстоятельно отвечая на существенные деловые вопросы, без всякой охоты как будто реагировал на личные, ограничиваясь сообщением самых общих сведений или прямо ссылаясь на свою неосведомленность.

— Наконец, главное, — с нажимом сказал Наконечный,

вопрошающе глядя на посланника Петлюры. — В письме голвного атамана нет новой даты выступления...

— Генерал Тютюнник в разговоре перед самым моим отъездом поручил передать вам и пану Чепилко на словах следующее. Повторяю дословно: «Передай там хлопцам, Игнац, пусть не расслабляются. 10—20 июля мы подадим долгожданый сигнал о наступлении великого дня освобождения нашей родной земли от большевистского ига!»

— Прошу вас, сотник, по окончании беседы записать эти слова, — попросил Коротюк.

— Да-да, — подхватил Наконечный. — Эти слова заслуживают того, чтобы их знал каждый патриот. Однако поймите нас — это должны понять все за кордоном — что промедление играет против нас, снижая боевой дух повстанцев. Приказано ли вам, пан сотник, — неожиданно спросил заместитель председателя Цупкома, — немедленно возвращаться в ставку или вы поступаете в наше распоряжение?

— Вы можете располагать мною в интересах комитета. Мне и самому не терпится включиться в настоящее дело, — ответил Щербина.

— Отлично! Что ты думаешь, Данила Степанович, насчет того, чтобы послать пана сотника на подкрепление к Мордалевичу.

— Думаю, что у Мордалевича сейчас крайняя нужда в таких людях.

— Отлично! — еще раз воскликнул Наконечный. — Так почему бы вам, пан сотник, не отправиться к Мордалевичу завтра же?

— Я готов, — ответил Щербина, — но хотелось бы знать, кто такой этот Мордалевич, что представляет его курень и почему именно там сейчас нужда в надежных людях.

— Ну, это конечно, конечно, — согласился помощник председателя Цупкома. — Данила Степанович вам все объяснит.

Коротюк кивнул в знак согласия и добавил:

— Я бы только просил отсрочить отъезд пана сотника на два-три дня. Есть у меня, хоть и небольшое, но важное дело, в котором я надеюсь на помощь Игната Николаевича.

— День-два? — переспросил Наконечный. — Ну, что же, отсрочка наступления, о которой мы, конечно, сожалеем, позволяет нам такую роскошь.

— У меня к вам просьба, сотник, — медленно промолвил Коротюк, когда они со Щербиной вышли из «кабинета» На-

конечного. — Нужно встретиться с одним вашим однополчанином...

— И что? — с усмешкой спросил Щербина.

— ...И ничего, — невинно заметил Коротюк. — Встретиться, поздороваться, поговорить часок и отправиться к Мордалевичу. Только и всего.

— Ну да, только и всего, — открыто усмехнулся сотник. — В прятки со мной играете, пан ротмистр. Оторвете от дела на двое суток — только и всего. А что я буду делать это время? Медовуху у Комара пить?

— Помилуйте, пан сотник, о какой игре вы говорите? — возразил Коротюк. — Откровенность на откровенность. Ваши мандаты не вызывают сомнений. Что касается загрузки на время вынужденной стоянки, то у меня единственная просьба — перепишите на отдельном листе прекрасное обращение генерала Тютюнника, которое вы заучили наизусть. Прекрасное обращение! — повторил начальник разведки, необычно многословно и чувствительно для себя. — Я вам открыто, многословно и чувствительно для себя. — Я вам открыто, недавно, чтобы вы не сомневались в нашем отношении к вам. Недавно, с месяц тому назад, к нам пришел новичок, судя по прошлому — ваш сослуживец. Не нравится он мне что-то.

— Ну, что же. Встретимся. Ладно, — миролюбиво пробурчал Щербина. — С однополчанином встретиться — это дело хорошее... Или вы — что? — подозреваете его?

— Не скажу, чтобы мы его подозревали, но на вашу помощь надеемся.

— Ладно, ладно.

Простившись со Щербиной, начальник разведки Цупкома внимательно вчитался в написанный сотником текст, мысленно ругая себя: «Стареешь, Данила, стареешь. Нервничаешь. Бестолковое дело затеял. Знаешь ведь, что чрезмерная бдительность чаще всего от неуверенности бывает, а тогда самое обычное дело — промахнуться».

Он еще раз припомнил каждую деталь встречи со Щербиной. Конечно, сотник не показал себя знатоком подробностей жизни руководящих деятелей ставки, но он, по всем приметам, вообще бирюк, служака, не любящий сантиментов. И сам-то Коротюк, кстати, сильно недолюбливал тех хлыщей, которые готовы со смаком пересказывать очередные сплетни о житье-бытье начальников, а вот деловой информации, идущей от таких знатоков, доверять рискованно. Смутило Коротюка и словечко «хлопцы», которое сотник приписал помощнику Петлюры. Коротюк около года служил под началом ге-

нерала Тютюнника и навсегда запомнил, с каким нажимом и рыком произносил тот свое обычное напыщенное «братья», а вот интимное «хлопцы» никак к нему не шло. Это были, разумеется, мелочи. «От лукавого, от лукавого мои выдумки, и прав этот сотник — надо немедленно отправлять его туда, где назревает реальная опасность, — к Мордалевичу: этот умничающий учителяшка того гляди распустит свое воинство по хатам», — ругал себя Коротюк, и ему казалось, что он становится похожим на тех педантов-штабников, которые, стремясь к идеальной обработке мелочей, нередко просматривают главное.

9

Оксаненко, как и надеялся, прибыл в Киев накануне дня вызова, вечером, и тотчас же направился к Комару. Встретила его Ганна Павловна.

— Тю, а Данила ждет вас только завтра! — обрадованно запела она, не скрывая своей радости. — Гость у нас, завтра провожаем. Ну, да ничего, вас-то устроим, не волнуйтесь. Такого гостя дорогого устроим.

— Спасибо, Ганна Павловна, — сдержанно, но дружелюбно поблагодарил Федор. — Да, может быть, неловко ваше-то гостя стеснять?

— А и стесним, так ничего ему не сделается. Не нравится он мне, — откровенно призналась хозяйка, косвенно давая понять, что к Федору она относится по-другому. Зная, что у него есть своя квартира в Киеве, Ганна Комар истолковала приход Федора по-своему: не хочет, мол, идти к своей жинке, может, неуютно ему возле нее. Между тем, у Оксаненко были свои соображения не показываться дома. Главное — не исключена возможность слежки от самой Одессы, между тем Цупком должен быть уверен, что он действительно, как и говорил Чепилко и Наконечному, не посвятил жену в свою деятельность. Оксаненко хотел полностью выяснить свое положение и лишь затем попытаться выйти на связь с ЧК.

— Так, говорите, не обидится ваш гость? Не из гордых он?

— Да откуда ему гордости-то взять. Сразу видно, простой казак-служака, хоть и сотник. Сотник Щербина, Игнат Щербина, — тараторила словоохотливая хозяйка. — Может, знавали? А? Да вы слушаете ли меня, Федор Антонович? Устали, видать, с дороги.

Однако Оксаненко слышал, и услышанное упало на него камнем. «Игнат Щербина! Ну, все! Провалился!» — мелькнуло у него в голове.

Год назад, участвуя в ликвидации одной из банд на Херсонщине, Оксаненко случайно повстречался с этим угрюмым казаком, бывшим своим однополчанином, хотя и не были они близко знакомы.

Был Щербина арестован и посажен в тюрьму, поскольку числилось за ним немало. «Выходит, сотник Щербина сбежал от возмездия, и с ним-то, наверное, и предстоит мне завтра встреча у Коротюка, а сегодня — здесь, с глазу на глаз или в присутствии хозяев, — размышлял Оксаненко. — Если так, то выйдет один — немедленно в ЧК».

— Да, кажется, я его звал, — отвечал он между тем хозяйке. — Сюрприз, а не встреча, Ганна Павловна. Вот обрадуется-то... э-э... Игнат.

И в это мгновение условным стуком забрякала щеколда калитки и привычно забрехала хозяйка.

— А вот и он! — воскликнула хозяйка.

— Знаете что, Ганна Павловна, — решительно сказал Федор, — вы не говорите ему обо мне, а не считайте за труд достать из погреба вашей гарной медовухи, да похолоднее. А?

— Достану, достану, Федор Антонович, — распевно ответила та и вышла, а секунд через десять в комнату вошел гость. И если бы он не скинул по-свойски китель и не плюхнулся на кровать, Оксаненко подумал бы, что это не о нем только что говорила словоохотливая хозяйка, потому что это был совсем не Игнат Щербина. Скрытый шкафом и занавеской, Федор в шелку между ними внимательно всматривался в узкое, молодое лицо лежавшего человека. Брови домиком, серые, близко к переносице сидящие глаза спокойны, чуть шевелятся от невидимых движений губ светлые усы...

До кровати — один прыжок, и никаких вариантов выбора. Через мгновение Оксаненко уже сидел на краю кровати. Усач не успел даже выбросить руки из-за головы. Часто дыша и ощущая дуло упирающегося в живот и скрытого рубахой пистолета, он напряженно смотрел в лицо Федора. Тот заговорил первым:

— Не вздумайте делать глупостей, когда войдет хозяйка, а пока отвечайте, где настоящий сотник Щербина.

— Спросите Коротюка, — ответил лежащий.

Ответ был неплох: мнимый Щербина явно хотел перехватить инициативу.

— Ну-ну, — возразил Оксаненко. — Пока что я сверху.
— Что-то непохоже!
— Это почему?
— Опасаетесь прихода хозяйки — значит, не чувствуете себя дома.

И опять ответ бил в точку, хотя толковать его можно было и так и эдак в зависимости от того, что понимать под домом: явочная квартира Комара была территорией Цупкома, но находилась она в советском Киеве.

— И все-таки не надо умничать. Повторяю: что вы сделали со Щербиной?

Усатый не успел ответить — вошла хозяйка. Она расставляла на столе жбан, кружки, закуски, что-то щебетала себе под нос, а двое с безмятежным видом — на какой они были способны в этот момент — обменивались ничего не значащими репликами: «Ну, ты как?» — «Да так...» — «Это хорошо, что ты...» — «Да...» Минуты передежки было достаточно, чтобы оценить обстановку, разобраться в намеках, и потому Оксаненко особо напряженно ждал ответной реплики фальшивого сотника. И все равно ответ самозванца прозвучал необыкновенно:

— Надо бить противника, чтобы не быть побитым, — многозначительно, со спокойной улыбкой произнес тот.

Оксаненко пылливо вглядывался в его лицо, стараясь понять значение застывшей на нем усмешки.

— Это не ваши слова, — наконец ответил он. — Так говорил Мартин Янович.

— И вовсе не Мартин Янович, — уверенно возразил мнимый Щербина. — Я их слышал от Яна Фридриховича. Ну, что же? Может быть, вы уберете эту игрушку?... Думайте скорее — того гляди придет Комар. Кстати, теперь я понял, что вы из Одессы.

И тотчас в голове Оксаненко закончился недолгий, но напряженный анализ, длившийся эти несколько минут. Он начался, едва усатый сказал: «Надо бить противника, чтобы не быть побитым». Эта фраза стала поговоркой украинских чекистов после того, как Мартин Янович Лацис, бывший председателем ВУЧК до Манцева, произнес ее на собрании представителей губернских чрезвычайных комиссий, произнес и добавил: «Так говорил мне Владимир Ильич». Поговорка с тех пор звучала и в ответственных выступлениях, и в шуточных репликах за шахматами или шашками — она стала принадлежностью чекистского словаря. Конечно, она не была

секретной, и потому, услышав ее, Оксаненко вовсе не спешил признать в мнимом Щербине своего. Чуть больше значило знание им настоящих имени и отчества Лациса (Яна Фридриховича Судрабса), однако и о них мог слышать не только чекист. Но, начав проверять в голове версию: «Мнимый Щербина — чекист», — Оксаненко через минуту нашел ей подтверждение.

Если бы вызов в Киев был связан с подозрением Оксаненко, то и явку у Комара Цупком должен был считать проваленной. Если же явка — не провалена, то значит — Оксаненко вне подозрений и мнимый Щербина — для Цупкома именно тот, за кого он себя выдает, а на самом деле — он, может быть, сменил Оксаненку от ЧК в Цупкоме. Это теперь нетрудно было проверить, поскольку можно было встретиться со своими.

— Вам повезло... нам повезло, — поправился Щербина. — Комар приставлен ко мне якобы как телохранитель, сопровождает — черт! — повсюду. Сейчас он меня тоже довел до калитки и скоро появится здесь. Наша сегодняшняя встреча произошла из-за его оплошности, и он, конечно, скроет ее от Коротюка. Так что у него мы завтра увидимся как будто впервые. Вы поняли? Постарайтесь до этого побывать в ЧК или на нашей явке, чтобы удостовериться во мне — вы, очевидно, вне подозрений. Как вы понимаете, эта явка под наблюдением ЧК и о вашем приезде Евдокимов узнает тотчас...

— Не слишком ли вы все-таки откровенны со мной? — прервал речь усатого Федор.

— Нет, не слишком, — возразил тот. — Девяносто пять против пяти, что я не ошибся. Вы наш человек, мой предшественник в Цупкоме — об этом я знаю от Евдокимова. Ну, а если я ошибся, то провалюсь — только и всего. Зато, если я не воспользуюсь этими минутами отсутствия Комара, можно потерять все.

— Ну, что же — разумно. Нам лишь остается хорошо сыграть встречу старых друзей.

Пришедший вскоре Комар был действительно озабочен тем, что допустил свидание Оксаненко с сотником. Договорились скрыть приезд Оксаненко. Федор в ту же ночь встретился с Евдокимовым и получил от него необходимые разъяснения.

— Ваш приезд оказался кстати — теперь мы можем не беспокоиться за нашего товарища в Цупкоме. Однако увере-

ны ли вы, что одесский повстанком не дал шифровки о вашем выезде?

Ефим Георгиевич поручил просмотреть все телеграфные ленты из Одессы, чтобы узнать, нет ли среди них шифрованного сообщения тамошнего повстанкома о выезде Оксаненко. Был предусмотрен вариант вывода Федора из операции.

Контроль на телеграфе оказался не лишним. Шифровка была перехвачена в ночь с 6 на 7 мая, и ложное прибытие Оксаненко в Киев утром 7-го не вызвало никаких подозрений. На вокзале его поджидал Комар, и оба тотчас отправились на конспиративную квартиру в домике сапожника Власа.

Встреча боевых друзей Оксаненко и Щербины полностью убедила Коротюка в том, что сотник есть сотник, и в тот же день киевский чекист Андрей Виноградский под видом специального уполномоченного Петлюры Игната Щербины отправился в отряд Мордаевича. Перед отъездом он смог еще раз переговорить с Федором Оксаненко, который обстоятельно рассказал ему о поведении атамана на совещании в соборе. Подлинный Игнат Щербина в это время содержался под строжайшим арестом в Харькове.

10

28 апреля в связи с приближением празднования 1 Мая все погранзаставы по приказу ВУЧК усилили охрану западной границы. Начальника Каменец-Подольского пограничного особого отделения Гончарука инструктировал лично Евдокимов.

— Именно в вашем районе, — сказал Ефим Георгиевич, — мы и предполагаем переход петлюровского курьера. Поэтому вам даем дополнительную группу пограничников. Будьте очень внимательны.

Гончарук вторую ночь не смыкал глаз, лично разбираясь с каждым задержанным нарушителем. За первомайскую ночь их было двенадцать, но «гость» среди них не попался.

Утром второго, едва Гончарук прикорнул на скамье, раздался резкий телефонный звонок. Докладывал начальник второго поста Бондаренко.

— На нашем участке задержано четыре нарушителя. Трое — известные нам старые контрабандисты, а вот четвертый подозрителен, хотя тоже имеет контрабандный товар. Но не похож. Ведет себя как-то напряженно, путается в жаргоне. Последнее замечание было существенным, тем более, что

исходило от Бондаренко, старого пограничника, хорошо знавшего повадки контрабандистов и их жаргон.

— Лично доставьте нарушителя к нам, — распорядился Гончарук.

Через час с небольшим подозрительный был доставлен. Гончарук приказал его переодеть, одежду тщательно проверить, а сам с помощью смекалистого Бондаренко приступил к допросу. Нарушитель не мог долго разыгрывать роль местного контрабандиста. Бондаренко быстро уличил его в самом поверхностном знании местности. Тогда задержанный заявил, что не скажет ни слова. И в это время помощник Гончарука по отделу с удовольствием вручил начальнику несколько небольших листочков папиросной бумаги и медную монету с насечками на лицевой стороне. На одном из листочков Гончарук прочел следующее: «...В момент объявления общего наступления наши войска переходят границу и двигаются двумя группами для захвата Киева и Одессы. Тютюнник во главе конницы пробивается к Холодному Яру, а периферийные повстанкомы вместе с подчиненными им отрядами ликвидируют местные органы власти и...»

Просмотрев остальные листки, Гончарук сказал нарушителю:

— Ну, я думаю, вы понимаете, что вас ждет...

Тот сник и тихо произнес:

— Сохраните жизнь — все скажу. Я сотник Щербина Игнат. В Киев шел по заданию головного атамана Петлюры.

Гончарук написал на листке бумаги условленный с Евдокимовым текст телеграммы: «Обмундирование получили, излишки высылаем назад» — и велел тотчас отправить ее в Харьков. После этого он внимательно выслушал Щербину, подробно его допросил. Несколько часов пограничники второго поста обшаривали каждый кустик овражка, где был задержан петлюровский курьер и где он выкинул пистолет, врученный ему лично генералом Тютюнником.

В тот же день Щербина был отправлен в Харьков, где его уже ждали Евдокимов и чекист Андрей Виноградский, которому предстояло подменить сотника. Спасая жизнь, Щербина добросовестно помог Андрею войти в роль. И чекист с ней справился, в общем, успешно.

вязал он, враг. И мы помним об этом. Поэтому-то большевики и не хитрят перед массами, говорят с ними языком правды. А вот вам, Ефим Георгиевич, прямо противоположный случай из моей московской жизни. Опытный канцелярист из охранки, арестованный нами за саботаж, заявил о своем желании работать и сотрудничать с ЧК. Спрашиваю, как, почему. Слишком врать — мол, принял вашу веру, — не решается. Объясняет цинично — видимо, уверен, что будет понят: всякая, мол, власть нуждается в сыске и слежке, так не лучше ли, если этим займутся профессионалы, чем самоучки. Такой мерзкий тип. Так и не понял, почему мы не приняли его услуг. Однако, Ефим Георгиевич, договорим об этом как-нибудь в другой раз... Что там у нас еще по Цупкому?

— Виноградский уже должен быть у Мордалевича. Киевские товарищи надеются вскоре установить с ним связь — дал им для этого недельный срок. Контролирую ежедневно. Самая главная сейчас задача — снова внедриться в штаб Цупкома. Пока предложен один план, на проведение которого я согласия не даю.

— Какой план?

— Видите ли, Василий Николаевич, и Оксаненко, и Виноградский вышли на Цупком через Комара. Он член штаба Цупкома, по легальному положению — кооператор. Волею неволей Комар уже дважды оказал нам существенную помощь. Вот киевляне и предлагают — припугнуть его разоблачением и заставить работать на нас. Однако гарантий нет, и я затормозил этот план, тем более, что и Оксаненко — он знает Комара неплохо — считает, что тот не из пугливых.

— Правильно, Ефим Георгиевич. Ищите более надежный способ. Комара оставьте только на самый крайний случай. Запросите все губернские комиссии, может быть, путь в Цупком найдется через периферийные повстанкомы.

— Такие запросы уже посланы, Василий Николаевич, одновременно с требованием отчитаться о ходе операции. Надеюсь, что мы найдем возможность заслать своего сотрудника в Цупком именно в качестве посланника какого-нибудь губернского повстанкома. И может быть, это будет Екатеринослав. Оттуда получена краткая шифровка о задержании партии оружия, направленного из Одессы. Кстати, об этом грузе предупредил Оксаненко. Если, перехватив оружие, екатеринославцы раскроют и подполье, то, может быть, это даст нам ниточку в Цупком.

— Подумайте заранее о кандидатуре. На этот раз наш

человек должен обязательно закрепиться в штабе. Причем условия его работы усложнятся. Все-таки два наших товарища уже прошли этим путем и хотя, по всем данным, не наследили, — подстраховка не помешает. Кроме того, приближение срока восстания заставит Цупком все более и более засекречивать планы, усилить и без того глубокую конспирацию. Поэтому новый сотрудник должен быть опытнее, уметь посмотреть на дело шире. Вы, конечно, будете все чаще и чаще гостить в Киеве, однако предусмотрите возможность предоставления большей свободы действий этому сотруднику и установление им самостоятельной связи с Оксаненко и Виноградским. Сами понимаете, что это должен быть не только абсолютно надежный, абсолютно преданный человек, но и исключительно изобретательный, смелый, более информированный. Не навязываю своего мнения, но если начало ниточки окажется, как вы предполагаете, в Екатеринбургском, то вспомните о Ковальчуке. Его недостатки — это продолжение его достоинств, которые в данном случае как раз и пригодятся. Идеи у него, верно, бывают странные, но в исполнении заданий он безукоризнен. Желаю удачи, Ефим Георгиевич.

12

Надежды и предположения Манцева и Евдокимова, как будто по заказу, подтвердились уже через три дня.

...Долго не удавалось екатеринославским чекистам пасть на след подполья, хотя, по поступившим из Киева сведениям, повстанком Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии, возглавляемый атаманом Зиркой, был наиболее мощной и опасной организацией петлюровских националистов. Человек в жулане — тот самый, с которым Трепалов и Ковальчук обменялись репликами у взорванного склада, — как в воду канул. Да, с другой стороны, и неясно было, где его искать. Единственная примета — ориентир, которая выдавала в нем канцелярского служащего, — портфель. Но это мало облегчало поиски, ведь в лицо этого канцеляриста знало лишь Трепалов и Ковальчук. Председатель губчека не мог ходить по учреждениям. У Григория времени для таких обходов тоже было маловато и, хотя он ограничил на первых порах перечень подлежащих обходу учреждений теми, у ко-

торых были деловые связи со складом, искомым человек не попадался.

Первомайские праздничные дни принесли чекистам новые тревоги: в городе были распространены отпечатанные на машинке и рукописные листовки, призывавшие к сопротивлению Советской власти, клеветавшие на нее. Они подбивали к открытому неповиновению и террору, содержали хвастливые обещания в недалеком будущем «вознести над Екатеринославом и всей Украиной желтоблакитные знамена УНР».

На поиски авторов и распространителей листовок были брошены большие силы губернской и транспортной ЧК. Прекратив искать иголку в стоге сена, всю операцию возглавил Ковальчук. Однако эта кропотливая работа долго не давала никаких результатов. И вот однажды к вечеру, явившись к Трепалову с очередным докладом, Ковальчук сказал:

— Александр Максимович, появилась маленькая зацепка. Почерк экспедитора речного порта Маслюка оказался сходен с почерком, которым написаны некоторые листовки. Через несколько часов получим ответ экспертизы.

— О результате немедленно доложите мне.

— Слушаюсь!

В дверь постучали...

— Разрешите, товарищ председатель? — на пороге стоял дежурный. — К вам срочно просится на прием гражданин. Очень настойчиво просится. Ни с кем, кроме самого главного чекиста, говорить не желает.

Трепалов рассмеялся.

— Кто он? Фамилию-то хоть назвал?

— Маслюк Иван Петрович, экспедитор речного порта, — заглянув в бумажку, которую держал в руке, ответил дежурный.

Трепалов и Ковальчук переглянулись от удивления.

— Ну, Григорий, — сказал Трепалов, — на ловца и зверь бежит.

Но еще больше удивились председатель ЧК и Ковальчук, когда увидели Маслюка. В дверях стоял мужчина лет пятидесяти, чернявый и круглолицый — это был тот самый человек в жупане, та самая иголка, которую больше месяца искал в стоге сена Ковальчук.

— Я — председатель губернской ЧК, — сказал Трепалов. — Это наш ответственный сотрудник, — кивнул он в сторону Ковальчука. — Что же касается вас, Иван Петрович, то мы давно хотели вас видеть,

Трепалов помолчал, наблюдая за реакцией Маслюка, и продолжил:

— Вы, что же, полагаете, что мы забыли вас? Там, у склада?

— Но я не взрывал его! — воскликнул Маслюк.

— Ну еще бы вы его взрывали. Тогда бы наш разговор был совсем другим. А зачем вы писали провокационные антисоветские листовки? Вот этот вопрос нас интересует особенно.

Маслюк потерянно посмотрел на Трепалова и опустил голову.

Ковальчук подал ему стакан воды.

— Ну, что же вы, Иван Петрович. Рассказывайте, зачем пришли, — ободрил посетителя Трепалов.

— Мне нечего сказать, — тихо проговорил тот. — Что же мне говорить, если вам все известно... Я рассчитывал признаться в своем преступлении и просить снисхождения. А вы все и так знаете.

— И все-таки, Иван Петрович, вы наверняка знаете что-то неизвестное нам. Значит, можете нам помочь. Ну, а мы — не сомневайтесь — поможем вам... Как считаете, Григорий Фомич, может быть, гражданину Маслюку будет проще отвечать на вопросы?

— Да, — оживился Ковальчук, — у меня есть вопросы. Вы, — обратился он к Маслюку, — уже в марте, во время нашей встречи, знали о существовании Цупкома. Когда вы узнали о нем впервые и от кого? Кто приказал вам писать листовки? Известно ли вам местонахождение штаба повстанческого комитета?

— Я отвечаю на эти вопросы, — все так же тихо и удрученно проговорил Маслюк и с надеждой попросил: — Но можно я начну с другого.

— Пожалуйста, Иван Петрович, — разрешил Трепалов.

— Простите, вы помните молоденького сторожа склада, того, убитого? Извините, может быть, все это не к делу, но этот юноша дружил прежде с моим сыном, в отрочестве. Мой еще учится, а этот, Гаврик, не смог — он из простой, бедной семьи. Пошел работать. Сыну очень переживал его гибель, проклинал убийц, говорил, что готов задушить их своими руками. А что я мог ему сказать?.. Я говорил, что нужно избегать крови и зла, и вот тогда я понял, что связан с этими убийцами одной ниточкой... — Маслюк замолчал и через минуту продолжил: — Прошу мне верить. Я говорю правду.

Конечно, мне уже тогда нужно было прийти сюда — не отважился. Но вот позавчера Петрик прибежал с листовкой, точно такой, какие писал я, но только написанной не моей рукой. Это что же, кричит, опять убийства? Своими бы руками, кричит, этих негодяев...

Облегчив душу и видя доброжелательное отношение чекистов, Маслюк стал подробно отвечать на вопросы Ковальчука.

...Около двух месяцев назад он под влиянием своего давнего знакомого, диспетчера речного порта Федора Голубовского, вступил в подпольную организацию, которую возглавляет атаман Зирка. Посещал собрания, даже участвовал в обсуждении планов заговорщиков.

Закончив рассказ, Маслюк с тревогой и ожиданием посмотрел на Трепалова.

— Вот и все. Работать на панов я не могу и не хочу. Чувствую себя виноватым перед Родиной и готов понести наказание.

— Знаете ли вы, где сейчас скрывается Зирка? — спросил внимательно слушающий Маслюка и делавший пометки в своем блокноте Трепалов.

— У меня он ночевал лишь одну ночь. У кого скрывается сейчас, мне не известно. Знаю лишь, что завтра вечером в двадцать тридцать рейсовым пароходом «Александр Невский» он едет в Херсон. Позавчера утром он пришел к нам в контору, вызвал меня и приказал купить ему на завтрашний пароход билет в каюту первого класса до Херсона. Я сходил к знакомому кассиру, взял билет в каюту номер три и передал его Зирке позавчера вечером около портовых ворот. Больше мы не виделись.

Руки Маслюка, державшие помятый, мокрый от пота платок, подрагивали, и весь он как-то сжался, как будто ожидая удара.

— А что будет теперь со мной? — повторил он свой вопрос, поворачиваясь к Трепалову. — Я не сомневаюсь, что меня ждет наказание. Но не могу ли я чем-нибудь искупить свою вину. У меня жена, двое сыновей, и я им еще очень нужен. Я выполню все, что вы прикажете...

Трепалов изучающе посмотрел на Маслюка.

— Кто из ваших близких или знакомых знает о том, что вы пришли к нам?

— Никто.

— Нам думается, что рассказывать кому-то о сегодняш-

ней встрече вам не стоит. Мы тоже заинтересованы в том, чтобы ваш визит остался в тайне. Сейчас вы возвращайтесь домой — и никому ни слова о сегодняшней нашей беседе.

Маслюк поднялся со стула. Охрипшим голосом выдал: — Вы что, отпускаете меня? А что будет дальше?

— Я вам уже сказал, — улыбнулся Трепалов, — отправляйтесь домой, живите, работайте... Но, повторяю, ни одна живая душа не должна знать о нашем разговоре. Если понадобится, мы вас найдем. До свидания!

— За Маслюком все-таки нужно присмотреть, — сказал он Ковальчуку, когда они остались вдвоем. — Человек в смятении. Какую штуку выкинет через полчаса, не угадаешь. А сам тотчас принимайся за разработку плана ликвидации повстанкома.

К утру следующего дня Ковальчук доложил Трепалову план ликвидации подпольной организации Зирки. Сведения, сообщенные Маслюком, полностью подтверждали уже имевшиеся у чекистов материалы, и вместе с тем раскрывали ряд новых, ранее неизвестных обстоятельств, фактов, фамилий участников организации, мест хранения оружия и антисоветской литературы.

Операцию было решено начать с негласного ареста атамана Зирки и нескольких его ближайших помощников.

13

Теплым весенним вечером у Екатеринославской пристани дымил рейсовый грузо-пассажирский пароход «Александр Невский». По трапам сновали грузчики. На берегу гомонила толпа отъезжающих и провожающих.

За пять минут до объявления посадки к капитану «Александра Невского» явились несколько человек из портового отделения милиции. Они заявили, что, может быть, им придется ненадолго задержать отправление парохода: мол, надо произвести осмотр багажа пассажиров. Дело было по тем временам обычное и не удивило капитана. Милиционеры решили начать с кают первого класса, а двое из них прошли на пост проверки билетов у пассажирского трапа.

Посадка проходила как обычно. Палубные пассажиры без мест торопились пройти на пароход, чтобы устроиться поудобнее. Обладатели билетов в классные каюты не спешили. Ненадолго возникла заминка с пассажирами двух кают пер-

вого класса, в которые было продано по два билета. С ними вежливо и спокойно разбирались. Бритоголовый худощавый мужчина, с портфелем, одетый в кожаную куртку, синие галифе и мягкие, без каблук сапоги, один поднялся на среднюю палубу и по узкому коридору приблизился к каюте № 3. Оглянувшись, повернул ручки и шагнул в полутьму. Тотчас чьи-то сильные руки схватили его, и через мгновение атаман Зирка — а это был именно он — лежал на полу со связанными руками и с кляпом во рту. Вскоре с мостика через мегафон донеслась просьба капитана доставить к пароходу санитарную карету.

Врач подъехавшей через пять минут кареты шумно ругался с капитаном, обвиняя его в недосмотре за состоянием парохода. Тот раздосадованно обещал и починить поручень у трапа с нижней на среднюю палубу, и наказать матроса, не прибравшего трап.

А пока они объяснялись, к сходням медленно, отстраняя любопытных, двигались носилки, на которых лежал бритоголовый человек, до самого подбородка закрытый простынею. Повернув голову набок, он явно высматривал кого-то в толпе, но вокруг плотной массой теснились только поношенные пиджаки, не слишком свежие рубашки, ситцевые оборки женских кофт...

Ближе к трапу толпа наконец рассеялась, и тут человек на носилках увидел того, кого искал.

Лавочник стоял у самого борта. Этот неприметный, с белесыми редкими волосами и ленивыми сонными глазами человек здесь, на пароходе, казался незаметней, чем когда-либо.

Зирка до мельчайших подробностей помнил, когда и как Лавочник появился около него. Появился внезапно, без всякого предъявления мандатов, но уверенно и прочно.

Вошел и коротко бросил:

— Скрывайтесь, атаман. Бульба в ЧК, а эту явку он знает. Если надежна явка у фармацевта, немедленно отправляйтесь туда. Я буду там же через четверть часа.

Сказал и скрылся. А примерно через четверть часа действительно оказался на самой надежной явочной квартире. Не объявляя пароля, добился свидания с Зиркой и потом они оба долго разговаривали с глазу на глаз. С десятком людей из повстанкома знали о новичке лишь то, что он будто бы держал скобяную лавку, а ее у него отобрали. Под кличкой Лавочник и был он известен и считался подручным, «шестер-

кой» Зирки. Несколько человек, впрочем, подозревали, что роль Лавочника была более значительной, но ни сам он, ни властный председатель повстанкома не посвящали никого в тайну своих отношений.

А тайна была проста. На явке у фармацевта, убедившись, что Зирка не привел за собой хвоста, Лавочник предъявил прямой пароль от председателя Цупкома, известный только лицам с особыми полномочиями. Интересовался Лавочник более всего информацией о советских учреждениях, транспорте, воинских частях и лишь во вторую очередь самими повстанческим комитетом Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии. Зирка вскоре понял, что Лавочник создает свою подпольную сеть. Умный и осторожный, он бывал лишь на самых узких совещаниях повстанкома, и то в основном помалкивал и слушал, никогда ничего не записывая.

...И вот сейчас, увидев молчаливого белопольского агента у борта «Александра Невского», атаман Зирка неожиданно для себя испугался и, вместо того чтобы дать предупредительный сигнал опасности, закрыл глаза, застонал и довольно громко выкрикнул:

— Да тише вы, бисовы диты!

Вот так же пристально и вместе с тем как бы равнодушно смотрел Лавочник на Петьку, когда тот рассказывал о допросе в милиции.

Петька Зачепа был лихим парнем, боевиком в организации и трижды уже за один только апрель добывал для повстанкома бланки советских учреждений и немалые суммы денег. Зирка его ценил и в грубые операции, вроде взрыва продовольственного склада, не втягивал.

Петьку прихватил уголовный розыск по подозрению в участии в ограблении квартиры зубного врача, имевшего золотишко. Однако через сутки Зачепа уже похвально Зирке, что вышел чистым. Разговор происходил в присутствии Лавочника. Тот слушал, поглядывал в окно и молча кивал головой, а когда Петька кончил, предложил тому закурить — он всегда носил при себе папиросы, хоть сам и не курил. Петька судовольствием затынулся несколько раз, но вскоре, задыхаясь, со стоном упал на пол и умер на глазах пораженного Зирки.

— Не жалеете об этом балабоне, атаман. Надежный человек из угрозыска предупредил меня, что материалы о Зачепе переданы в ЧК по ее просьбе. Как бы нам не пожалеть о себе, если за вашим Петькой наблюдали чекисты. Оставьте

те лишь те явки, о которых Петька не знал, а отсюда скрываются через задний ход.

Зирка слышал об отравленных папиросах, которыми пользовались белопольские разведчики. Он понимал, что Лавочник не остановится ни перед чем, чтобы обезопасить себя, и теперь, увидев сонные, ленивые глаза, постарался скрыть, что засыпал.

В больнице, в специально подготовленной палате, Зирку, сопровождаемого «врачом», то есть Ковальчуком, и его товарищами-«санитарами», уже ждал Трепалов.

— Товарищ председатель ЧК, ваше приказание выполнено. Председатель повстанческого комитета Зирка арестован. Правда, при аресте мы, кажется, действительно, что-то ему повредили, — атаману нужна медицинская помощь, — доложил Григорий, снимая темные очки и отклеивая усы.

— Вы меня с кем-то путаете, — пробурчал бритоголовый. — Кроме того, если у вас все врачи такие, то мне не нужна ваша помощь.

— Не только врачи, атаман, но и больные, например, ваш напарник по палате, — усмехнулся Трепалов. — Голубовский, — обратился он к лежащему на второй койке, — не стесняйтесь, — покажитесь вашему главарю.

Увидев сообщника, потрясенный Зирка обхватил голову руками и так сидел с минуту. Его переживания прервал тот же Трепалов:

— И все-таки, атаман, если вам нужен врач, говорите.

— Не нужен мне врач.

— Бросьте, Зирка! Вы же на самом деле стонали, когда вас несли на носилках. Мы не белогвардейцы и не бандиты — раненый, кто бы он ни был, должен прежде всего получить медицинскую помощь.

— Я знаю, что говорю, и не хочу быть мучеником, — мрачно возразил Зирка. Помолчал и добавил: — И трупом тоже быть не хочу.

— Ну вот и отлично, — подхватил Трепалов. Он велел увести Голубовского и продолжил:

— Надеюсь, вы понимаете, чего мы от вас ждем.

— Вы услышите больше. Конечно, при определенных гарантиях, — ответил уже увереннее Зирка.

— Прекрасно, атаман. Однако этот разговор мы продолжим в другом месте, там, где вы будете лежать с переломом ноги.

— Да я же сказал...

— Спокойно, спокойно, атаман. Мы подробнее побеседуем через час-полтора. А сейчас давайте решим, на какой из двух намеченных нами квартир удобнее будет вам отлеживаться, не вызывая ничьих подозрений, особенно ваших сообщников и вашего киевского руководства.

Трепалов тотчас заметил, что последнее предложение явно обрадовало Зирку. Хотелось тут же узнать тайну такого его поведения, но председатель долго задерживать Зирку в официальном учреждении не следует. Бандит был переведен к частному врачу А. А. Раскину.

У Раскина, еще несколько дней назад активно помогавшего повстанкому, и состоялась вскоре откровенная беседа с атаманом Зиркой, во время которой Трепалов и Ковальчук узнали не только то, на что рассчитывали, но услышали о Лавочнике. Выяснилось, что именно его и имел в виду Зирка, похваляясь во хмелю Маслюку о связях с польской разведкой: атаман, хоть и был пьян, но не раскрыл присутствия иностранного шпиона непосредственно в Екатеринославе. Это сообщение значило немало. Во-первых, оно подтверждало, что в городе еще оставалась часть подпольной сети белопольской разведки. Во-вторых, присутствие опытного разведчика во время ареста Зирки, якобы сломавшего ногу, могло раскрыть всю операцию и сделать невозможным проникновение через Екатеринославский повстанком нового человека в комитет Чепилко. Поэтому, запомнив описание внешности Лавочника и имея в запасе всего лишь час с небольшим до ближайшей остановки «Александра Невского», Ковальчук, получивший по этому случаю самый скорый автомобиль, помчался в погоню за неприметным агентом.

Привычный азарт охватил Григория, он чувствовал себя способным преодолеть любую трудность в соперничестве с опытным врагом и тайно сожалел, что все получилось крайне просто. Он без труда догнал «Александра Невского», быстро нашел на пароходе Лавочника, который, видно, не заподозрил ничего в неожиданном несчастье, случившемся с атаманом. В Херсоне вместе с толпой пассажиров Ковальчук и Лавочник сошли на берег. Лавочник тотчас пошел на телеграф и на имя Комара по адресу коопконторы направил шифровку для Чепилко и Коротюка. Поскольку, как удалось разобраться Ковальчуку с херсонскими чекистами, шифровка подтверждала версию с Зиркой, она была отправлена по назначению.

Передав наблюдение за Лавочником херсонским товарищам, Ковальчук тотчас возвратился в Екатеринослав.

— Ну, что же, Гриша, готовься к выполнению нелегкого задания, — так реагировал на короткий рапорт Ковальчука Трепалов, тотчас заметивший, как расцвел, услышав эти слова, его подчиненный.

— Удивляюсь, — улыбаясь, пошутил председатель губчека, — как это мы можем доверять серьезные дела таким простодушным парубкам? А у тебя же все твои чувства на лице написаны.

— Не сомневайтесь, Александр Максимович, — так же с улыбкой, понимая, что Трепалов шутит, отвечал Григорий.

— Не сомневаемся, не сомневаемся, Гриша. Учти, сам Манцев рекомендовал тебя для такого дела. Прибыв на место, постарайся возможно скорее связаться с Евдокимовым. Он координирует все действия — днюет и ночует в Киеве. А теперь слушай внимательно, запоминай все добрые советы Зирки.

Передав Ковальчуку сообщенные атаманом, теперь уже бывшим атаманом, явки и пароли, Трепалов сказал:

— На наше счастье, Зирка оказался действительно сильным и властным начальником в своей заговорщицкой банде. Без его приказов никто наверняка не предпримет серьезных шагов, а он — в наших руках. Поэтому нам вовсе нет необходимости ворошить весь муравейник и тем самым ставить под сомнение твои полномочия в Цупкоме. Мы, чтобы не вызывать подозрений, будем даже позволять ему встречаться с некоторыми сообщниками. Так что тылы у тебя, надеюсь, надежные. Паче чаяния, если у Чепилки и Коротюка — этот, видать, хитрая bestия — появится намерение послать кого-нибудь к атаману, не возражай — напротив, поддерживай такую идею. Что касается Лавочника, которого так боится наш нынешний подопечный, то он, наверное, последыш ликвидированных нами «пятерок»¹ и пытается восстановить их. Его появления в Цупкоме тебе следует, конечно, остерегаться. Он тебе оказал услугу, подтвердив версию с переломом ноги, но он же тебя и провалит, если увидит, потому что все их ядра повстанкома ему, наверняка, известны. Если, — сделал ударение Трепалов. — Его, конечно, мы будем держать на коротком поводке и в крайнем случае арестуем. Но помни об

¹ По принципу «пятерок» было организовано ликвидированное в начале 1921 г. белопольское подполье. (Ред.)

этом типе. Он поопытней любого из нас, и у тебя может быть только одно преимущество перед ним.

Ковальчук вопросительно посмотрел на Трепалова.

— Самоотверженность, Гриша, самоотверженность. Вот о каком преимуществе я говорю. Но надо переиграть врага, не прибегая к такому средству. Дорогая цена.

14

Григория Волощука — так именовался теперь Ковальчук — в Цупкоме ждали. Шифровка от Лавочника, подтвердив то, что рассказал о несчастье с Зиркой Григорий, стала для него лучшим прикрытием. Известие, что Зирка находится на квартире доктора Раскина, тоже не вызвало подозрений. Полномочный представитель повстанкома Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии — одного из наиболее авторитетных и сильных — сразу же завоевал расположение цупкомовского руководства. С ним считались, от него не имели особых тайн. Чепилко тотчас же привлек Григория к подготовке съезда руководителей подполья и атаманов в Белой Церкви. Где и как конспиративно разместить участников съезда — это было поручено разработать именно Волощуку. Члены екатеринославского повстанкома слыли мастерами по части конспирации. Коротюк был доволен тем, как деятельно и педантично принял Григорий за дело: среди подпольщиков было мало людей, склонных и способных к черной невидной работе — все или рубакки, вроде Комара, или витии наподобие председателя Цупкома. Коротюк не был настолько ограничен, чтобы думать о необходимости и в тех, и в других. И все-таки был убежден, что штабная работа — это призвание и привилегия наиболее одаренных и надежных. Беседуя с Волощуком в доме сапожника Власа и во время ознакомительной поездки в Белую Церковь, где сам начальник контрразведки пробыл только сутки, доверив Григорию дальнейшую разработку деталей, Коротюк радовался, что нашел способного, старательного помощника. Может быть, это чувство созрело в нем слишком быстро, но ведь он так долго ждал...

И Григорий старался всюю. Нужно было так подготовить явки, чтобы уверить Коротюка, что они действительно самые надежные для проведения съезда. Одновременно с этим план заезда в Белую Церковь участников съезда и план их размещения должен был стать самым удобным и для ареста главарей подготавливаемого мятежа. Неожиданно оказалось, что,

несмотря на полную противоположность целей обеих задач, решения их вполне совмещались, потому что и та и другая операции должны были проходить строго конспиративно.

Коротюк, единственный руководитель Цупкома, вникавший во все детали подготовительной работы, был доволен действиями своего нового помощника.

— Ну, что же, — сказал Евдокимов, когда Григорий, тайно явившись на явочную квартиру ЧК, доложил ему о ходе операции. — Здесь пока идет как нельзя ладно, и поэтому, Григорий, не будем торопиться радоваться и делить шкуру неубитого медведя. То-то и оно, что когда зверь сам бежит на ловца, охотник от радости и делает промахи. Есть к тому же одно осложнение. Херсонцы упустили Лавочника: исчез и он, и наш работник, наблюдавший за ним. Скорее всего, враг цел, а чекист погиб — иначе он нашел бы способ сообщить о себе. Где сейчас Лавочник? Что у него в башке? Сообразил ли он, — конечно, если случилось самое худшее, — что слежка за ним и несчастье с Зиркой взаимосвязаны? Явится ли он в Киев или плюнет на Цупком, чтобы не ставить под угрозу себя и свою задачу? Ничего этого мы сейчас не знаем, но будем рассчитывать на худшее — береженого бог бережет. Что скажешь, Григорий? Может быть, заблаговременно вывести тебя из игры?

— Что вы, Ефим Георгиевич?! — Ковальчук, внимательно и сосредоточенно слушавший Евдокимова, при последних его словах вздрогнул и покраснел от растерянности. — Это же значит сорвать операцию.

— А оставить тебя в Цупкоме — это, может быть, и операцию сорвать, и жизнь твою riskовать, — возразил Евдокимов.

— Ну и что же, Ефим Георгиевич! Такое наше дело. Придумаю что-нибудь.

— Придумаешь, — покачал головой Евдокимов. — Не так-то это просто — придумать, не зная условий задачи. Но подумать надо, в этом ты прав. Выводить тебя из операции сейчас, действительно, никак нельзя — все держится на тебе. Видишь ли, даже если бы мы знали дислокацию основных банд — и тогда в нынешней обстановке нежелательно было бы прибегать к широким боевым действиям. Заметь: гуляют сейчас в основном мелкие банды и самые отпетые бандиты, которые не надеются на амнистию.

По всему видать, что, попадись нам в руки главари, не на ком будет держаться и массовому повстанчеству. Так что,

Гриша, можно кончить с ними и без кровопролития, не теряя ни наших бойцов, не губя и жизни одуряченных селян, пошедших под петлюровское знамя. Надо, чтобы съезд состоялся, и состоялся по разработанному тобой и Коротюком плану. Это был бы удар по всему петлюровскому подполью. Другой возможный удар — по главной боевой силе желтоблаkitников, то есть по Мордалевичу, но с Виноградским пока связи нет.

Помолчав, Евдокимов продолжал:

— Давай кратко, ведь через полчаса тебе нужно быть у Коротюка, а то еще заподозрят что-нибудь. Куда может двинуться Лавочник из Херсона? А черт его знает куда! В Одессу? Сомнительно. Там мы, кажется, все польское подполье вычистили до корней. Так? Выходит, что на север, северо-запад, — значит, сюда, в Киев, и дальше к польской границе. Выходит, что здесь он может быть очень скоро. Так?

— Вроде бы так....

— А перехватить его здесь — дело трудное, потому что у него наверняка есть собственные явки, неизвестные Цупкому, да и цупкомовских явок мы знаем только три: собор, дом Комара и дом сапожника. Так? К тому же, Лавочник пуганый — значит, вдвойне осторожный. Вот и представь, что вы встретились. Как уверить и его, и Коротюка, что случай с Зиркой не подстроен, а ты вправду его посланец? Как вывести тебя, если не удастся обмануть цупкомовцев? И вывести так, чтобы не раскрыть?

Побеседовав еще с четверть часа и обдумав несколько приемлемых вариантов, ни один из которых, впрочем, в сложившейся опасной и неясной обстановке полностью не гарантировал успеха, чекисты расстались.

Последующие три дня Ковальчук-Волощук исправно выполнял поручения Коротюка, заканчивая подготовку к съезду. Напряженно, нервно Цупком ждал последнего сигнала от голловного атамана. От этого зависело назначение съезда: утвердит ли он план восстания или ограничится выяснением обстановки в повстанческих отрядах. Лавочник в Киеве не показывался — судя по всему, думал Григорий, операция по ликвидации Цупкома приближалась к концу.

Войцех Ярошинский уже несколько часов сидел в кофейне давно знакомого грека Амбера. Он отказался от вина, но плотно закусил, попросил крепкого кофе и велел послать за газетами. Пока мальчишка бегал за ними, Амбер, ушлый контрабандист и деляга, оживленно — посетителей, а значит, и работы, с утра было немного — рассказывал господину Прийме (под этой фамилией он знал Ярошинского) о том, что жить стало можно.

— Э-э, господин Прийма: это по-ихнему называется элп. А я называю так: без торговли не прожить никому, даже Советам — мы-то с вами это понимаем, господин Прийма. Как жаль, что вы не приехали неделю назад, у меня был хороший товар. Уверен: вы бы не отказались. Вы с подвойдой? Или належке? Налегке. Это ничего: товар доходный, а унести можно в портпледы.

Прибежал мальчишка, принес газеты за несколько последних дней. Ярошинский-Прийма с виду небрежно, а на самом деле внимательно просматривал газеты.

— Ну, Амбер, — дружелюбно сказал он, прихлебывая душистый кофе, — ты, я думаю, знаешь побольше. А?

— Смотря что интересует господина Прийму, — хмыкнул грек. — Если то, как дела на виллах, то кое-что знаем — недалеко.

Ярошинский кивнул.

Довольный своей догадкой, Амбер наклонился к уху гостя:

— Мадам Григо никуда не уехала. Полдома у нее забрали под детский приют, но с другими обошлись и того хуже, так что мадам еще и довольна. Ну, конечно... — он слегка замялся, — жить ей теперь не так весело, как раньше: многих друзей не стало.

— Сомневаюсь я, что она грустит, — пробурчал Ярошинский. — Слушай, Амбер, пошли-ка туда мальчишку, пусть понаблюдает за дачей. А я пока отдохну у тебя, если не возражаешь, да переоденусь.

— Понимаю, господин Прийма, — охотно согласился хозяин кофейни. — Не хотите ли приобрести подарок для мадам Григо, у меня найдется кое-что парижское.

Гость и на это кивнул с одобрением.

Войцех Ярошинский, известный в Екатеринославе как Лавочник, а в Одессе как торговец Прийма из Николаева, не

стал уверять пройдоху-грека, что его интерес к мадам Григо отнюдь не романтический. Нет, не за такими пустяками пришел он в Одессу.

В Херсоне Ярошинский пробыл сутки. Оттуда подался в Николаев, где намеревался проверить нового агента — слушающего почты. Он был вполне уверен в своей безопасности, но, как всякий опытный профессиональный разведчик, непрерывно, по ставшей чуть ли не инстинктом привычке проверял, нет ли преследования. Он не думал быть в Варваровке — рабочем поселке от Николаева, однако, когда проходил мимо соединяющего поселок с городом моста через Буг, почувствовал непреодолимую тягу посмотреть, не сел ли кто ему на хвост. Мосты как будто бы созданы для таких проверок: преследователю, если он не оставил своей затеи, трудно остаться незамеченным, в то время как преследуемый, перейдя мост, имеет возможность найти удобную точку для наблюдения и внимательно осматривать каждого идущего следом. Так Ярошинский и сделал. Настроение у него — в основном от того, что погода была хороша, — тоже было прекрасное и на ум приходили интересные импровизации. Поэтому, увидев почти в конце моста опрокинувшийся воз с сеном, Ярошинский, едва зайдя за него, быстро снял свитку, сбросил с ног сапоги, засунул все в торбу, обыкновенную, крестьянскую, через несколько секунд появился из-за воза совсем другим человеком для неблизкого наблюдателя. Спустя минуту он уже думал, что такое переодевание было не напрасным. Стоя за покосившимся фанерным щитом неизвестного назначения, в щель в нем он увидел молодого человека в картузе и с удочкой, в нерешительности вертевшегося возле того самого воза. Что-то — Ярошинский не сразу понял что, поскольку интуиция насторожила его прежде, чем объяснил рассудок, — заставило его внимательно присмотреться к парню.

Однако объяснение пришло скоро и оказалось очень простым. Да, конечно, именно его, этого парня, видел Войцех Ярошинский всего лишь минуту-две назад, только тот был спокоен и даже нарочито безразличен ко всему окружающему, явно старался походить на планирующего от безделья мастерового. Так и поступают неопытные сыщики. Теперь он в недоумении и тревоге озирался по сторонам, ища того, кого преследовал, а преследуемый стоял в нескольких метрах, в это время внимательно наблюдал за ним через дырку в щите, из-под которого торчали его босые ноги. Ярошинский бы-

стро убедился, что парень один, без помощников и отрываться от него нужно именно сейчас, едва только тот победит куда-нибудь в сторону. Но парень, хоть и был новичком, не делал той глупости, которой ожидал от него Ярошинский. Он, очевидно, понял, что пока не стоит уходить с точки, где порвалась нить наблюдения. А если так, рассуждал Лавочник-Ярошинский, то, значит, этот желторотый болшевичок решил дожидаться какого-нибудь такого же желторотого, передать ему пост — это у них принято, они вообще работают не по правилам — и лишь после этого обшарить окрестности. И ведь увидит тогда, снова сядет на хвост. Надо что-то делать, пока он один ворон ловит.

Высший признак профессионализма разведчика — ощущение того, когда нельзя, когда можно и когда нужно рисковать. Ярошинский понял, что сейчас рискнуть и нужно, и можно. Понял он и то, что парень снова будет его преследовать и нужно лишь найти способ избавиться от преследователя. Более решительных действий со стороны чекиста он не опасался, считая, что тот мог бы это сделать и раньше.

Ярошинский спокойно вышел из укрытия, снова, как бы переобуваясь, надел сапоги и пошел в поселок.

В Варваровке жили в основном рабочие местного завода, полукрестьяне по быту, засевавшие земельную норму. Были среди них и разного рода осведомители, разоблаченные в большинстве после революции. Но случилось это не со всеми, а только с теми, кого знали сами рабочие, и теми, кто был в картотеках местной охраны и заводской конторы. Симон Бирка, заводской слесарь, тихий человек, дважды в старые годы сообщил неизвестному ему самому человеку о собраниях «социалистов» в доме соседа. Получил по полтиннику, а неизвестный приобрел славу хитроумного сыскаго агента, изобразив дело так, будто добыл важные сведения собственным тяжелым трудом, а не купил по случаю за бесценок у робкого обывателя. Позднее сыскаго агент попался в ЧК и рассказал о Бирке допрашивавшему его чекисту. Это был мнимый чекист, а на самом деле агент Петлюры, пробравшийся в Екатеринославскую транспортную ЧК. От него сведения о тихом обывателе Симоне Бирке попали Ярошинскому. Уже не было в живых сыскаго агента (его на всякий случай убрал фальшивый чекист), сам петлюровец уже был разоблачен настоящими чекистами и получил заслуженное. Ярошинский и Бирка, которого матерый шпион держал про запас — авось пригодится, — были еще живы.

Направляясь к дому Бирки, Ярошинский думал лишь о том, чтобы застать того на месте. В том, что Бирка, боявшийся разоблачения, выполнит любой приказ, он был уверен. И ему повезло. Симон возился у сарая. Ярошинский зашел к нему только на минуту, якобы для того, чтобы напиться воды, коротко приказал:

— Я пройду двором. Этот парень в серой фуражке и с удочкой увяжется за мной. Когда он будет спускаться по тропе в овражек, убери его. Понял? Чего бы ни стоило — убери. Да не бойся ничего — он один. Ночью сбросишь труп в реку. Все. Я приду завтра — поговорим.

А через три дня в устье Буга был обнаружен труп чекиста Никиты Дубка с разбитым черепом.

Ярошинский, конечно, не думал появляться у Бирки. Когда тот, исполнив поручение, терзаемый сомнением и страхом, вернулся к своему крыльцу, он обнаружил на завалинке оставленный посетителем пиджак. Ярошинский не пришел ни заваленный посетителем пиджак. Ярошинский не пришел ни заваленный, ни послезавтра. Бирка проверил содержимое карманов и нашел почти пустую пачку папирос. Он выкинул оставшуюся. Вернувшаяся с рынка жена застала его уже почти остывшим.

...Ярошинский, прибывший в Одессу морем, рассчитывал, что у него в запасе еще несколько дней. Так оно и было. Он успел через мадам Григо связаться с Грудницким и с помощью того заполучить помощника для дальнейших действий. Им стал Федор Оксаненко. Конечно, ни Оксаненко, ни даже Грудницкий не знали подлинных намерений Ярошинского, который был представлен Оксаненко как подпоручик князь Ротокский. Не помощник нужен был польскому шпиону. Поняв, что за ним была слежка, и опасаясь, что она может возобновиться, Ярошинский решил обзавестись помощником. На нем он хотел проверять свою безопасность. Сапер, прежде чем сделать шаг, исследует щупом почву там, куда хочет ступить. Вот таким «щупом» и должен был стать для мнимого князя Федор Оксаненко.

Без приключений и, главное, без хвоста приехали они в Киев и благополучно, известными только Ярошинскому путями прибыли на центральную явку Щупкома. Ярошинский тотчас же отправился поговорить к Куротюку, а Оксаненко — к Григорию Волощуку — доложить о готовности одесситов к съезду в Белой Церкви.

.....

Ковальчук: — Здравствуйте, товарищ Оксаненко.
Оксаненко: — Не понимаю вашей иронии, господин Волощук. Надеюсь, в своем-то кругу мы можем обойтись без этого плебейского слова — «товарищ».

Ковальчук: — Наоборот, Федор Антонович. Тем более, что... погода нынче такая: не угадаешь — будет через час дождь или ведро.

Оксаненко: — А что гадать: если ветер не переменится, то и погода не изменится.

Ковальчук: — Вы могли бы и не говорить отъезду. Я вас знаю: Евдокимов показывал мне фотографию. Я Григорий Ковальчук из Екатеринославской ЧК. Здесь работаю под видом Волощука, представителя повстанкома атамана Зирки. Веду всей практической подготовкой съезда в Белой Церкви. Кто второй, прибывший с вами?

Оксаненко: — Черт его знает! Зовется сейчас князем Ростовским, хотя даже член штаба повстанкома Грудничкий в этом, похоже, сомневается. Он знал его прежде как торговца Прийму. Неговорлив и неглуп, по-моему. Отправился прямо в Коротюку.

Ковальчук: — Что еще знаете о нем? Откуда он?

Оксаненко: — Как будто из Херсона или Николаева. Большого узнать в дороге не удалось. Сам он, повторяю, о себе не распространяется.

Ковальчук: — Зайду-ка я к Коротюку, взгляну на незнакомца.

.....

Ярошинский: — Я буду краток, господин полковник. Где-то — подозреваю, в Херсоне, а может быть, еще раньше, в Екатеринославе, — за мной стали наблюдать... Да не волнуйтесь, полковник: в Николаеве я хвост убрал и сюда прибыл чистым. Однако на некоторое время с вашей клиентурой связь прерву. Мне нужен лишь один человек в помощь.

Коротюк: — Вы же знаете, пан Ярошинский, как нам сейчас нужны люди: скоро съезд.

Ярошинский: — Вам тоже известно, что мои дела посерьезнее ваших. К тому же не в ваших интересах торговаться, полковник. Дайте мне человека — Чепилко вам поверит, что так было нужно.

Ковальчук (входя): — Здравствуйте, господа. Господин

полковник, вот сведения из Одессы (передает листок и уходит).

Ярошинский: — Кто этот новенький? Я его прежде не видел в вашем штабе.

Коротюк: — Я удивлен вашим вопросом, пан Войцех. Это человек из вашей вотчины — Екатеринослава. Помощник атамана Зирки Григорий Волощук.

Ярошинский: — Я его впервые вижу.

Коротюк: — Но ведь вы же сами посылали телеграмму о несчастье с атаманом.

Ярошинский: — Телеграмму я посылал — это верно. Но теперь я не уверен, приключилось ли то несчастье с Зиркой или другое несчастье, похуже, случилось со всеми нами.

Ковальчук: — Произошло то, чего опасался Евдокимов. Это крупный польский агент по кличке Лавочник, который хорошо знает Екатеринославский повстанком. Он, конечно, уже сказал Коротюку, что я для него совершенно неинтересная личность.

Оксаненко: — Вам необходимо немедленно скрыться!

Ковальчук: — Нельзя! — Это значит, сразу же провалить дело. Давайте потянем время. Коротюк, наверное, затеет проверку — каким образом, не знаю, но проверить меня ему придется. Вы постарайтесь связаться с Евдокимовым. По-скорее — лучше сегодня же, но без суеты, чтобы и вас не заподозрили. Со мной особенно не общайтесь. А я — снова к Коротюку: нельзя упускать инициативу и подавать вид, что мы испуганы.

.....

Ярошинский: — Что-то вы слишком переполошились, полковник. Не узнаю вас. Не выпускайте этого типа никуда, пока не проверите, вот и все.

Коротюк: — У этого, как вы сказали, типа все ключи к съезду.

Ярошинский: — Ого! Так это ваш главный помощник по подготовке съезда? Быстро же завоевал он ваше доверие!

Коротюк: — Не смейтесь, пан Войцех. Насколько мне известно, и у вас не так уж много надежных людей.

Ковальчук (входя): — Извините, господин полковник. Мне хотелось бы успеть на поезд.

Коротюк: — Пожалуй, вам стоит повременить с отъездом.

Ковальчук: — Но, господин полковник, вы сами приказали мне...

Коротюк: — Планы немного изменились — вам придется на несколько дней засесть за штабную работу. Вы знакомы с нашим гостем?

Ковальчук: — К сожалению, почти нет. Атаман Зирка не посвящал даже самых близких людей в свои отношения с господином... извините, я не знаю вашего настоящего имени.

Ярошинский: — А под каким именем вы меня знаете?

Ковальчук: — Если вы настаиваете, мы вас знали как Лавочника. Видел же я вас только на одном заседании повстанкома, с которого вы быстро ушли.

Ярошинский: — Да-да... Прискорбный случай произошел с атаманом. Не так ли?

Ковальчук: — Не беспокойтесь, ничего страшного. К тому же господин Зирка у надежного человека и отличного врача. Можно ожидать, что он сможет принять участие в съезде.

Коротюк: — Нужно, чтобы он принял в нем участие. Нужно!

Ковальчук: — Если вы прикажете, я мог бы попытаться организовать его приезд, поскольку сейчас сам он еще вряд ли может двигаться.

Коротюк: — Нет-нет, повторяю: вы мне нужны здесь и только здесь.

Ярошинский: — Кого бы вы могли назвать вместо себя?

Ковальчук: — Надо подумать.

Ярошинский: — Да, конечно, такой вопрос не решить, как это говорится, с кондачка.

Коротюк: — Но и времени на раздумья, сами понимаете, у нас тоже нет. Вы лучше нас знаете Екатеринослав. Продумайте план доставки Зирки на съезд. Принесите мне его через полчаса.

Григорий был почти уверен, что Коротюк и Лавочник хотят узнать его мнение, чтобы поступить наоборот. Он предложил не самый лучший план и назвал несколько пар исполнителей, среди которых не было только Оксаненко и Комара. Именно их-то, избрав план, предложенный Ярошинским, ч направил Коротюк в Екатеринослав, хотя Григорию было

сказано, что план его принят и что Оксаненко выехал назад, в Одессу.

Ковальчук был занят составлением листовок к населению (вы, мол, учитель словесности — вам и карты в руки) и не знал даже, сумел ли Оксаненко сообщить Евдокимову о новом повороте событий. Он продумал уже не один вариант бегства из своего заточения, но сдерживал свою энергию, понимая, что, не имея связи более трех суток, Евдокимов или найдет способ связаться с ним сам, или предпримет меры, чтобы осуществить план-минимум: арест штаба Цупкома.

Начальник разведки Цупкома не случайно остановил свой выбор на Комаре и Оксаненко. В первом он ценил фанатичную преданность националистическому движению, решительность и прямолинейность, во втором — ум, такт, выдержку, умение производить хорошее впечатление на людей, вызывать их доверие. Пара была бы и впрямь хороша, если бы Комару несколько прибавить ума и убавить сомнения, которое мешало ему критически мыслить, а Оксаненко обратиться во всамделишного петлюровца. Но чего нет — того нет. Поэтому посланцы Цупкома вернулись из Екатеринослава через три дня с письмом от Зирки. Тот писал, что сможет прибыть прямо на съезд в Белую Церковь, как только станет ясен окончательный срок. Атаман также высказывал удовольствие, что его верный товарищ Григорий Волощук оказался надежным помощником полковника Коротюка.

Поездка Оксаненко и Комара в Екатеринослав сыграла в пользу ЧК. Было решено, использовав Зирку как прикрытие, послать с ним на съезд группу чекистов, что облегчило бы успешное проведение операции.

Евдокимов докладывал Манцеву, что надобность в ликвидации одного штаба Цупкома, которая могла бы вызвать массу разрозненных бандитских выступлений, отпала, и что из двух радикальных планов уничтожения петлюровщины — арест главарей всех повстанкомов и основных банд или ликвидация главной банды Мордалевича — скорее всего будет осуществлен первый.

— Ну, так как, дорогой Григорий, доложим начальству, что можно назначить день съезда? — спросил однажды Коротюк Ковальчука.

— Вам виднее, господин полковник, — холодно ответил тот.

— Вы все еще дуетесь на меня, а зря, — возразил Ко-

ротюк. — В нашем деле без бдительности нельзя. Итак, вы уверены, что съезд подготовлен достаточно надежно.

— Я надеюсь, что итог будет еще лучше, чем ожидаете, — не смог сдержать иронии Ковальчук.

Досадливо хмыкнув, Коротюк прервал разговор.

— Ну, теперь, кажется, скоро, — сказал Григорий Комару, у которого он снова жил последние дни.

— Господи! Сколько же я ждал этого часа! — воскликнул Комар. — У нас поговаривают, что на съезде будет объявлен и день восстания.

Однако на следующий день Комар прибежал домой в совершенно другом настроении.

— Собирайся! — крикнул он с порога. — Всем велено в штаб. Там такое творится — не приведи бог.

— А что случилось? — встревожился Ковальчук.

— Что-то у Мордалевича в Дымерском лесу. Что — толком не знаю, но — съезд, съезд похоже, отменяется! А! Вот сволочи!

16

Деревенский житель живет слитно с природой. Настолько слитно, что обычно не замечает своей привязанности и любви к ней... Андрей, как всякий горожанин, природу чувствовал обостренно. К тому же, последние два с лишним года ему никак не удавалось выбраться ни на рыбалку, ни на охоту — тосковал по любимым развлечениям. Он ехал к Мордалевичу в сопровождении Комара; методично и тщательно осматривал местность, запоминал дорогу и одновременно любовался весенним лесом. Он был красивее и богаче, чем у него на родине, под Харьковом, и Виноградский отметил это ревниво. Рельеф Дымерского леса разнообразный, путаный — овраги и овражки, изредка поляны и просеки, завалы и буреломы. Петляющие тропки. И старые деревья и молодая поросль орешника и малинника. Всюду яркая молодая зелень зрелой украинской весны. Андрей быстро понял, что запомнить местность по приметам — дело для новичка безнадежное, что главное сейчас — точно уловить направление движения за всеми зигзагами троп, по которым вел его к Мордалевичу Данила Комар. Трижды Данила отставал от Андрея (на всякий случай, мол, нет ли хвоста), потом догонял, успокоенный и довольный.

— Что-то ты, Данила, слишком уже опасешься хвоста, — небрежно заметил Андрей, стараясь перевести разговор в нужное направление.

— Слишком — не слишком, сказать не могу, а то, что атаман спросит, как ехали и где проверяли, нет ли преследователей — это точно. Здесь у него порядок строгий.

— А где не строгий? — спросил, уловив двусмысленность ответа, Андрей.

— В голове у него порядка не стало — вот что я думаю, — сумрачно ответил Комар.

— Вон оно что! — подчеркнуто удивленно откликнулся Андрей, радуясь, что беседа принимает нужный ему оборот. — Так ведь это опасно. Особенно теперь, когда вот-вот головной атаман сигнал подаст.

— Да уж, присматривайся к нему.

— А что присматриваться! Сменить надо.

— Э-э, — возразил Комар. — Не так-то легко сменить, это, пан сотник, не регулярное войско. Мордалевич — атаман, батька. Да и дисциплину умеет держать. Себя поставил прочно.

«Что верно, то верно, — отметил про себя Виноградский, — под самым Киевом стоит банда в тысячу сабель, а мы не знаем, где именно. Однако важно, что все сходится в одном: Мордалевич колеблется. Его можно повернуть к отказу от борьбы с Советской властью».

И еще думал Андрей Виноградский о том, как круто изменилась его жизнь за два года. Единственный сын в семье мастеровитого слесаря, он смог выучиться на механика, стал сносно зарабатывать, подумывать о женитьбе. Книги любил, особенно романы Вальтера Скотта с их благородными героями, да «Спартака» писателя Джованиолли. Смотрел на них со стороны, а в 1918-м, во время одного из многочисленных тогда еврейских погромов, спас от озверелых петлюровцев соседскую семью. Позже пришел к нему благодарить за это соседский сын, боец особого чекистского полка Яков Гиндин. Подружились. Несколько раз исполнил Андрей простые поручения ЧК. И вот однажды вызвал его начальник секретно-оперативного отдела и сказал:

— Рекомендуют вас, товарищ Виноградский, для работы в органах по борьбе с контрреволюцией.

— Кто рекомендует?

— Во-первых, товарищ Яков Гиндин. А, во-вторых, заводская ячейка РКСМ.

— Я же не комсомолец.

— Так комсомольцев они не рекомендуют, а прямо направляют. А вас рекомендуют. Подумайте.

Андрей подумал и согласился.

Он и прежде интересовался политическими вопросами, но лишь постольку, поскольку они касались его. Теперь политика начала зависеть и от него, Андрея Виноградского, — вот ведь какой поворот. И нынешнее его задание было по существу политическим.

— Ты, Андрей, можешь очень многое, — говорил во время последней встречи Евдокимов, — но пойми, что главная твоя сила не в тебе самом, а в новой обстановке. Переход от продразверстки к твердому продовольственному налогу и указ об амнистии для рядовых участников повстанчества — вот главное наше оружие. Главари скрывают эти постановления Советской власти от селян или перевирают их. Но петлюровцы понимают, что эти постановления вынуждают их к решительным действиям или к капитуляции — время-то работает против них. Значит, возможны опасные выступления. Вот предупредить о них ты нас и должен. По правде сказать, в этой банде сейчас нужнее агитатор, чем оперативник, и мы с губкомом партии об этом думаем, но твоя задача — именно разведческая. Планы Мордалевича, настроения подчиненных ему атаманов и рядовых повстанцев, особенно — одураченной бедноты. Возможность оторвать ее от кулацко-националистического ядра движения. Жду связи. Самостоятельные действия — только в крайнем случае, например, угроза выступления банды. Тогда сделай все, чтобы известить нас об этом.

Через два часа езды Виноградский и Комар выехали к окруженному высоким забором дому верного, как объяснил Данила, лесника. К дому примыкал крытый тесом широкий двор. Рядом клонил голову колодезный журавель с большой деревянной бадьей.

Комар постучал в ворота рукоятью плети. Послышался злой собачий лай и громкий бас:

— Погодите, привяжу собаку.

И через полминуты снова:

— Входите!

Отворилась калитка. Перед ними стоял широкоплечий, угрюмого вида старик с черной лохматой бородой, одетый в белую полотняную рубаху и широкие серые дмотканые шаровары. Увидев Комара, он, не говоря ни слова, распахнул

створки тяжелых дубовых ворот и пропустил всадников во двор.

Комар легко спрыгнул с коня и подошел к старику.

— Мы к тебе, дед, ненадолго. Перекусим, чуток отдохнем, а жара спадет, поедем дальше. Атаман все на том же месте? Как он там? Жив, здоров?

— А что ему делается? Здоров как бык! Позавчера отвез ему жбан медовухи. Наказал через неделю еще привезти. Ну, заходите в хату. Там старуха и сын. Каникулы у него начались. А ты надолго в наши края?

— Нет. Вот только провожу человека к атаману.

Старик начал расседывать лошадей, а приезжие пошли к дому и поднялись на высокое крыльцо, где стоял черноглазый, стройный парень, очень похожий лицом на деда Мирона, хотя и безбородый. Да и брови его не были еще так густы, а глаза смотрели сумрачно и печально!

— Веди, Володя, гостя в хату, — сказал Комар. — А мне надо пару слов сказать твоему батьке.

Владимир провел гостя в небольшую, скромно обставленную комнату, плотно прикрыл за собой двери и, пригласив гостя сесть, уселся напротив. Помолчал, а потом негромко спросил:

— Вы, вы устали, пожалуй, с дороги. Не хотите ли отдохнуть? Отдохнуть?

Андрей вздрогнул от неожиданности. Это был пароль. Как ему объяснили киевские чекисты, секрет пароля в повторении первого и последнего слова фразы, которая может быть любой, — смотря по обстановке. В отзыве надо было дважды повторить два слова в середине. Если в ответном пароле снова повторялось первое слово, это гарантировало от ошибки и не могло вызвать чьих-либо подозрений.

— Дорога к вам очень хорошая... хорошая. Красота в лесу, красота. Однако с полчаса отдохнем, пожалуй.

— Отдохните, отдохните, конечно. Да и коней покормить надо, так ведь?

— Ну, здравствуйте, — радостно протянул руку Андрей. — Никак не думал, что связь меня уже ждет.

— Связь еще неполная — только досюда. Не возил еще меня батька к атаману. Рано, говорит.

— Да, — задумчиво проговорил Виноградский и пылливо посмотрел на юношу. — Как же это так случилось: отец с Петлюрой, а ты — с нами?

Владимир отвел глаза и с полминуты молчал.

— Не могу я вам объяснить сейчас этого, — наконец сказал он. — Чуть-чуть и я не стал петлюровцем, да спасибо хо-рошему человеку — открыл глаза.

— Ну, ладно, — не стал настаивать Андрей. — Как тебе объяснили задание?

— Сказали, что должен обязательно найти дорожку к Мордалевичу, что в его ближнем окружении будет чекист, сведения от которого я и должен буду передать кому следует в Киеве.

— А кому следует?

— Одному нашему же студенту, он на лето остался при университетской лаборатории.

— Ну что же, неплохо, что мы познакомились уже здесь. Буду ждать тебя. Ну, а если нужно будет срочно что-то передать, как мне найти это место? Как передать тебе короткое сообщение?

— Вы бывали здесь прежде?

— Нет, я сам из Харькова.

— Тогда найти трудно — лес есть лес. Разве что примет-ы запомните. Если же доберетесь, то близко к дому не под-ходите. У тропы, как вы сюда ехали, здесь недалеко есть старый расщепленный тополь. Видели?

Андрей кивнул.

— Вот и опустите в щель записку, а я буду наведываться.

— Ладно, договорились. Только учти: записку с собой не бери — уничтожь. Текст будет короткий, передашь на словах.

Шумно вошел Комар.

— Владимир, друже! — закричал он. — Не знал я, что у тебя такое горе. Какую дивчину сгубили проклятые большевики! Ну, ну! Не горюй. С большевиками мы рассчитаемся, а дивчину ты себе другую найдешь — вон ты какой справный хлопец!

Володя смолчал и вышел из комнаты.

— Совсем закис хлопчик, — зашептал Комар, — то наши из банды Мишки Кривого порубили его голубку с баткой ее, мельником.

— А за что? С большевиками знался?

— Да нет! Наш был мельник, только у Мишки руки длинные — хотел всю мучицу у старика забрать, а тот заартачил-ся. Вот и... Ну, а Володьке на большевиков набрехали. Э-э, нет худа без добра — наш теперь парень. Однако, может, поедем — как бы грозы не было.

Сильно озадачен был Андрей этим рассказом, сопоставляя

его с тем, что сказал Владимир, и с тем, как он ответил на последний вопрос. Но делать было нечего.

Уже к вечеру, проехав еще час, путники спустились в ло-щину с нешироким ручьем, по обоим берегам которого бы-ли разбросаны укрытые зеленым дерном и ветками землянки. Андрей насчитал их несколько десятков.

Повсюду виднелись привязанные к деревьям и коновязям лошади, спокойно жующие молодую свеженакошенную траву. На полянах горели костры, вокруг них лежали разношерстно одетые бандиты. Один точил на оселке саблю, другой чинил порванную свитку, третий помешивал длинной деревянной ложкой варево в висевшем над костром ведре. Вкусно пахло дымом и жареным мясом.

Откуда-то доносилась грустная мелодия о месяце в небе и о челне, в котором спивала дивчина о казачьей любви...

Виноградский смотрел на занятых своими будничными де-лами бандитов, в большинстве — молодых парней, и спраши-вал себя: что привело в ряды врагов Советской власти эту явно не кулацкую, а середняцкую и бедняцкую молодежь? Почему еще не поняли они, кто их настоящие друзья и где их настоящая доля? Может, трудна для их понимания новая правда? Может, и не знают они ее? А неведение — это, как известно, тот самый поводок, потяни за который — прита-щишь несмышлениша к собственной гибели. «Вот и ради их будущего послали меня сюда», — подумал Андрей. Ему на минуту стало нехорошо от таких невоенных мыслей, но он сам же себя и поправил: «А разве не из человеколюбия к таким вот заблудшим объявила Советская власть амнистию? Разве не укорачивает она собственный справедливый гнев, от-казываясь измерять его правилом: «око за око, зуб за зуб»?

— Пан сотник, — прервал его раздумья Комар.

К ним приближался одетый в офицерский френч и заты-нутый в ремни высокий и плотный, пожилой на вид мужчи-на. Особенно его старило лицо, густо заросшее рыжеватой бородой. И только глаза, живые и молодые, говорили, что ему еще нет и пятидесяти.

Комар подошел к Мордалевичу, поздоровался за руку, что-то тихо сказал ему, и они оба шагнули навстречу Андрею.

— Очень рад принять вас у себя, — пожимая руку Вино-градскому, произнес атаман. — Будем знакомы — Мордале-вич, Юрий Арсенович.

— Взаимно рад! — ответил на приветствие Андрей. — Сот-ник Щербина Игнат Андреевич.

— Прошу, господа, ко мне! — жестом гостеприимного хозяина пригласил атаман к себе к землянку. — Хома! — крикнул он своему адъютанту. — Быстро организуй все что надо!

Ночевал Андрей в землянке Мордалевича. Они проговорили почти всю ночь...

Атаман с интересом расспрашивал об обстановке за кордоном и ходе подготовки войск Петлюры к вторжению на Украину.

Отвечая, Андрей умышленно несколько раз подчеркнул связь Петлюры с разведками Польши, Франции, Румынии и других стран. Мордалевич клюнул на приманку.

— Мне не нравится позиция Петлюры и его приближенных в этом деле. Уж слишком щедро они раздают богатства еще не принадлежащей им Украины. И какого биса они так заискивают перед иностранцами. Этак растеряем мы всю гордость свою — и проглотят они нашу неньку-Украину, как муху. Какая уж тут самостоятельность!

— Я понимаю ваши чувства, Юрий Арсенович, но как еще добывать средства для существования нашему правительству УНР?

— Деньги Петлюре, конечно, нужны, и деньги большие, тут спору нет. Но надо знать меру. Я слышал, что недавно в Варшаве на совещании высшего руководства было решено обратиться с просьбой о помощи к американцам, а бельгийцам предложить на кабальных условиях концессии на Украине и получить под это предложение деньги. Так ли это, Игнат Андреевич?

— Да. Совещание в Варшаве было и такое решение принято.

— Ну, знаете! — не сдержался Мордалевич. — Вон куда дело зашло, пока мы здесь по лесам сидим.

— Мы, Юрий Арсенович, люди маленькие — обязаны выполнять, что нам приказывают, — спокойным тоном ответил ему Андрей. — Будем сидеть, ждать сигнала выступления. Правительству виднее.

— Виднее, виднее, — пробурчал атаман. — Киев-то вот он, рукой подать. А им — виднее.

Андрей понял по тону, что Мордалевич хочет подумать и тоже замолчал.

«Ну, что же, — размышлял он. — Кажется, пока все идет как надо». Оценивая начавшийся поединок с Мордалевичем, он понимал, что пока выигрывает его.

Как бы отвечая мыслям Андрея, Мордалевич медленно заговорил:

— Трудно не поверить вам, Игнат Андреевич. К тому же кое-что до нас дошло даже сюда, в киевские леса, где мы обитаем и ждем сигнала... Эх, боюсь, что сигнала этого может не быть вовсе. Ну, на сегодня хватит! Пойду проверю караулы, а вы спите. Спокойной ночи!

— И вам того же, атаман!

Когда Андрей проснулся, в землянке никого не было. У входа на чурбаке сидел Хома и точил на бруске кинжал. Увидев Андрея, он вскочил, лихо бросил кинжал в ножны и приложил руку к картузу.

— Здравия желаю, пан сотник! Как отдохнули?

— Спасибо, хорошо. А где атаман?

— Уехал чуть свет — вернется к обеду. Сказал, чтобы вы пока знакомились с лагерем. Что-то не в себе он. Серый какой-то с лица, будто постарел за одну ночь.

Андрей промолчал...

— Вот полотенце, пан сотник, идите к ручью, умойтесь, — продолжал адъютант атамана. — А я сейчас приготовлю завтракать.

Полдня Андрей бродил по лагерю. Оборудован он был совсем недавно, но со знанием дела, что делало честь атаману, штатскому человеку. Землянки построены добротно, за ними в лесу повсюду были вырыты и замаскированы окопы и пулеметные гнезда, где виднелись тупые рыла «максимов».

Он шел между землянками, поглядывая вокруг, и никто из встречных бандитов не остановил его, не заговорил. Он сам начал беседу с одним из них, возрастом постарше. Тот мял в ладони пальцем землю, смачно нюхал ее и снова мял, шевеля губами.

— Золото нашел? — шутиливо спросил Андрей.

— Эка, золото, — возразил тот. — Что нам золото, мужикам? Нам земляца нужна, да чтоб своя и чтоб хозяйевать на ней.

Бросил смятый комок.

— Не та земляца, одно слово — лесная, не домашняя. Дух не тот.

— Без навозу, — усмехнулся Андрей.

— Во-во, без навозу, — вздохнул мужик, не отвечая на усмешку.

— Экий вы, селяне, народ, — изображая раздражение,

проговорил Андрей. — Вас к идее зовут, а вы все за конский хвост цепляетесь.

Собеседник не ответил. Зато подал голос другой, помоложе, но, видать, посмелее.

— Ты нас, хороший человек, не срами. Мы свою службу несем? Несем. Только ведь не за войну мы воюем, а чтобы справедливая жизнь пошла, мужицкая. Вот посадим головного атамана в Киеве. Пошибает он большевиков, отдаст нам землю снова, разверстку эту отменит — вот и будет идея и нам, и тебе.

Все, кто был поближе, прислушивались к беседе и, как казалось Андрею, одобрили слова парня. А тот продолжал:

— Ты вон к той землянке иди, там вояки Мишки Кривого. Вот они тебя хорошо послушают. И чего их батька Юрко в отряд принял?

Молча отошел Андрей, едва сдержавшись, чтобы не врагумить слушавших: «Темнота! Не большевики ли вам землю дали? Не большевики ли уж три месяца как разверстку отменили и амнистию объявили?» Впрочем сдержался. Он уже понял — и показала ему это совсем неожиданно ночная беседа с Мордалевичем, — что агитация «наоборот» действует часто лучше, чем прямая.

Во время обеда Мордалевич был молчалив, а отобедав, пригласил Андрея объехать лагерь.

— Вы вчера подняли самый большой для меня вопрос, — нарушил молчание Мордалевич, когда они отъехали с полкилометра. — Я сам неоднократно спрашивал Чепилко и Наконечного: когда начнем? Говорят — подожди! А ждать больше нельзя! Большинство — да, да, я не ошибся — большинство людей в отряде не разбегается по домам из-за страха перед возмездием со стороны Советов и своих атаманов. Они, правда, слышали об амнистии, но мы внушили, что это большевистский обман. А если они перестанут нам верить? Тогда мы останемся без людей! А кучка дезертиров и воров да десятка два-три офицеров — это не войско. Вот какое дело, пан сотник!

Я сказал как-то Наконечному, что чем так воевать — сидеть без дела в лесу да торговаться с иноземцами из-за Украины, как будто она их будущая колония, — то не лучше ли закончить эту «Вандею» и пойти с повинной головой к Советам, если они не лгут? Он обозвал меня изменником.

— А вы, Юрий Арсенович, это сказали, чтобы подтолкнуть Цупком к более решительным действиям или на самом деле

думаете, что конец «Вандее» — это наилучший выход из данной ситуации и гарантия, что Украина не станет колонией? — мягко спросил Андрей.

Атаман даже приостановил коня. Пристальным взглядом долго рассматривал Андрея, который тоже придержал своего жеребца. Глаза их встретились.

Мордалевич первым отвел взор. Он явно был смущен прямо поставленным вопросом. Тронув поводья, он выехал вперед, оставив вопрос Андрея без ответа. Чекист понял, что дальнейшего разговора не получится...

Почти неделю Мордалевич после ужина оставлял Андрея в землянке одного и куда-то уходил. Возвращался поздно и, если даже Андрей не спал, молча раздевался и ложился в постель, как будто избегая продолжения разговора, начатого ими в лесу, у ручья.

Андрей терпеливо ждал, не рискуя торопить атамана, в котором происходил важный поворот.

В один из дней, когда Мордалевича не было, в лагерь явились Комар и Оксаненко. Комар вскоре уехал, а Оксаненко остался. Его приезд Цупком объяснял необходимость усилить командование главным своим соединением на время съезда, на который вскоре должен был уехать атаман.

Мордалевичу этот приезд еще одного офицера явно не понравился, поскольку подтверждал, что Цупком относится к нему с недоверием.

Рассказал Оксаненко Андрею и историю сына лесника. Володя тяжело переживал гибель любимой девушки, хотел тут же идти в банду, но отец отговорил его от этого. На одном курсе с Владимиром учился Иван Суходол, очень способный студент, к которому товарищи часто обращались за помощью. Был Иван членом комсомольской ячейки, и Володя не смог скрыть причины перемены своего отношения к нему. Прямодушный Иван допытывал-таки его расспросами, и Володя признался в том, какое непоправимое горе принесли ему большевики.

— Да не большевики это, а бандиты! Уверен! — твердо заявил Иван.

Так Владимир оказался в губернской ЧК, где ему открыли глаза, предъявив неопровержимые доказательства того, кто был настоящим виновником злодеяния на мельнице. Сын лесника согласился помочь в борьбе с бандитизмом, надеясь в душе, что именно ему самому доведется рассчитаться с Мишкой Кривым.

Виноградский и Оксаненко обрадовались новой встрече. Вдвоем было легче: можно было и посоветоваться и подстраховать друг друга, да и рискнуть в случае нужды.

Именно о своем намерении пойти на открытое объяснение с Мордалевичем и сообщил во время одной из бесед Андрей Федору. Тот с сомнением покачал головой:

— Атаман весь кипит. Пристрелит он тебя на моих глазах, и ничем я тебе не помогу. Давай дождемся сообщения о дате съезда — посмотрим, как определится тогда Мордалевич.

— Хорошо, Федор, подождем. Только объясняться мы с ним будем, конечно, с глазу на глаз. Вмешивать тебя в это дело не стоит — ты у нас самый верный человек в Цупкоме.

— Стоп, стоп. Не забывай, что моя прочность основана на показаниях сотника Щербины. Так что и тебя раскрывать нельзя.

— Ах, черт! — задумался Андрей. — Ну, что же, придется сыграть, что я перевербовался. Это, пожалуй, еще больше убедит атамана.

В свободное время чекисты — особенно хорошо это получалось у Андрея — общались с бандитами и все больше убеждались, что откровенных головорезов среди них сотни две-три, не больше, а остальные — запутавшиеся в жизни сельчане, втайне и даже открыто мечтающие вернуться в родные дома, и только инерция вражды да авторитет батьки Юрка держит их в банде.

— Вот увидишь, Андрей, — говорил Оксаненко, — как только будут арестованы участники съезда и Мордалевич в их числе, тут мы и возьмем всю банду едва ли не голыми руками. Нужно будет только изолировать, в крайнем случае даже уничтожить, Мишку Кривого и ему подобных.

Наконец прибыл дед Мирон с коротким сообщением: «Двенадцать» — число означало дату съезда. С отцом приехал Володя с единственным приказом ЧК — быть под рукой у Виноградского.

В тот же вечер Мордалевич пригласил Андрея прогуляться вокруг лагеря — осмотреть дозоры.

— Как вы думаете, пан сотник, какое решение примет съезд? — сразу же спросил он.

Андрей пожал плечами.

— Это зависит от того, подаст ли сигнал головной атаман, — уклонился он от прямого ответа и спросил: — А какое решение вам больше по душе?

— Я знаю, что мне не по душе! — с ударением на отри-

цании ответил Мордалевич. — Бездействие. Неопределенность. Болтовня.

— Не возражаю.

— Тогда слушайте, каков мой план. Накануне съезда, когда большинство атаманов и представителей повстанческих сил уже придут в Белую Церковь, я выступаю всеми своими силами и начинаю обход Киева с запада в направлении Макаров—Фастов—Белая Церковь. В активные действия не вступаю, не считая мелких реквизиций.

— Говорите уж прямо — грабежей.

— Не понимаю вашей иронии, пан сотник?

— Если вы хотите быть понятым, то обратитесь к Мишке Кривому или Бугаю.

— Ваш издевательский тон неуместен. Вы сами знаете, как я отношусь к этим головорезам.

— И все-таки принимаете в отряд.

— Да поймите же вы, военный человек! Такова логика борьбы.

— Логика, говорите. Ну, а цель борьбы? Самостийная, мужицкая, народная Украина? Так?

— Не читайте мне политграмоту, пан сотник.

— Да, пан учитель, я понимаю, что политграмоту вы знаете. Каутского, поди, всего проштудировали. А с Мишкой Кривым все-таки яхшається.

— Дался вам этот Мишка! Сейчас он есть, а завтра он не нужен.

— Ага! Логика борьбы? Вешать большевиков и мирных сельчан будет Мишка, а вы останетесь чистенькими? И снова пойдете преподавать детишкам историю. Что же вы будете им рассказывать об атамане Юрко Мордалевиче?

Мордалевич остановился и пристально посмотрел в глаза своему спутнику.

— Странные речи слышу я от эмиссара Петлюры. Что вы хотите всем этим сказать?

— Я хочу сказать, что вы односторонне понимаете логику борьбы. У вас выходит: раз с каждым днем движение слабеет и разлагается, надо поторопиться выступление — и будь что будет. Между тем есть и другой вывод из логики повстанчества: пойти на мировую с Советской властью.

— Все это теория, пан сотник. Я ее понимаю. Но что вы посоветуете практически как представитель ставки?

— Я советую второе, и не как представитель ставки, а как представитель Советской власти. Говоря точнее — украинской

ЧК и ее председателя Манцева, который поручил мне передать вам следующее: если вы и ваши люди явитесь с повинной и сложите оружие, то будете освобождены от уголовной ответственности и получите возможность вернуться к мирному труду... Да не хватается вы за револьвер, атаман! Это сделать вы всегда успеете — не так ли? Давайте лучше поговорим о деле. Вы — умный человек и давно уже разобрались в обстановке. Я хочу вам только помочь принять решение, к которому вы давно подготовлены. Мишке Кривому мужицкая республика не нужна, ему нужна анархия. Надежды на Петлюру? А что может Петлюра со своими несколькими тысячами солдат, оборванных, голодных, сидящих в лагерях для интернированных. Да и хочет ли он той же республики, о которой мечтаете вы? Для чего же тогда кормить вшей в лесах? Чтобы Украина досталась интервентам?

Андрей умолк. Молчал и Мордалевич...

Хотя Виноградский и предполагал, что может наступить момент, когда откровенное объяснение с Мордалевичем станет неизбежным, но сегодняшнее признание все равно получилось неожиданным. Однако дело было сделано, и теперь, пользуясь затянувшейся паузой, Андрей анализировал свой поступок, размышлял, не поторопился ли, не совершил ли непоправимой ошибки. Нет, ошибки, кажется, не было, даже если Мордалевич не примет предложения. Что оставалось делать? Воспрепятствовать выступлению банды было необходимо. Андрей сообразил, что, обнаружив чекиста в полномочном представителе Цупкома, Мордалевич должен, по крайней мере, потерять уверенность в успехе своего плана. По правде сказать, втайне Андрей рассчитывал даже на большее — на то, что сумел переубедить атамана. Но это была надежда, может быть, даже желание, которое просто-напросто хотелось принять за осуществимую реальность. Между тем, это смутное и дерзкое ожидание было не так уж далеко от истины.

Вопрос Андрея, что означали слова Мордалевича о «Вандее», пришелся в самую точку.

Те несколько дней, когда Мордалевич по вечерам оставлял своего гостя одного, стали для атамана мучительными. Эмиссар Петлюры и Цупкома не только не придал ему уверенности, но, напротив, своими неопределенными ответами и вездливymi вопросами еще больше разбередил душу Мордалевича. В одну из поздних своих прогулок по лесу, когда уже совсем стемнело и он, не видя дороги, отпустил поводья, по-

тому что знал, что конь сам найдет дорогу в лагерь, его вдруг окликнул дискант любимца Тараса. То невесть почему вскрикнула вдали какая-то птица — Мордалевич не понял какая и не стал догадываться, потому что услышал в этом крике именно Тараса, не самогомышленного, но самого голосистого и наивного из своих последних учеников. Именно его, когда оставалось время от урока или когда просто хотелось услышать любимые строки, просил бывший учитель:

— Тараско, иди почитай «Каина».

Мордалевич любил, когда поэму Франко «Смерть Каина» читал именно Тарас, хотя учитель так и не смог научить своего любимца тем немногим правилам декламации, которые знал сам.

Мальчик читал поэму одностонно, на изначальной звонкой ноте, как бы со стороны и явно не понимая и не переживая всего ее смысла. Может быть, это и придавало чтению какую-то пронзительную отрешенность и многозначительность... Птица больше не подавала голоса, но в воображении Мордалевича звучал мальчишеский дискант.

...И, зубы стиснув, отвратился Каин,
Чтоб прочь ийти, — но вдруг печаль без меры
Им овладела, и тоска. Себя
Он ощутил таким бессильным, жалким,
Таким несчастным, как никто на свете...
Ни боли он не чувствовал, ни скорби, —
Одно бессильное оцененье.

«Ложь! — возразил Мордалевич. — И боль, и скорбь. Если бы Каутские не только давали таким, как я, идеи, но и скликали в свой стан воинство, то, может быть, и не нужно было становиться под знамя Петлюры, чтобы бороться против большевиков. Не нужно? — переспросил себя сам. — А ляд его знает! Может, так оно и полагалось по логике борьбы...»

Как близко прирастает кожа к телу —

Не выйти из нее до самой смерти, —

пропел из далека памяти Тараско.

— Как близко прирастает кожа к телу, — неожиданно для себя вслух пробормотал атаман.

После этого ночного размышления что-то сдвинулось в душе атамана и никак не могло установиться. Он несколько дней был занят только собой. А потом, устав от неопределенности обстановки и, пуще того, от внутренней сумятицы, ре-

шился пойти на крайний шаг, о котором и объявил Игнату-Андрею. И вот теперь размышлял, что ответить.

— Резон в ваших словах есть, — наконец заговорил он. — Но я должен тщательно обдумать ваше предложение, посоветоваться с близкими мне людьми. Как еще они посмотрят на это дело? Кроме того, я хочу знать, кто даст твердую гарантию мне и моим казакам в случае явки с повинной?

— У вас же есть газета с текстом закона об амнистии. Это разве мало?

— Бумага все терпит... — возразил атаман.

— А моя судьба — не пример? Вы думаете, я мало навредил большевикам?

— Ну, я тоже не большевик, — усмехнулся Мордалевич. — И не сочувствующий.

— И все-таки там считают, что вы не из породы Кривых. Признаюсь вам, что сам не очень в этом разбираюсь, — притворяясь простачком, сказал Андрей. — Пославшие меня люди говорили, что вы будто бы даже социалист. Вообще-то я этому не верю.

— Допустим, что вы меня не обманываете, пан чекист, но все равно мне нужна встреча с ответственным представителем Советской власти или вашим начальством из Чрезвычайной комиссии. Но все это лишь в том случае, если я вообще буду вести переговоры. Надо потолковать с атаманами.

— Атаманы пойдут за вами, Юрко Арсенович. Постарайтесь только обезоружить Кривого и таких, как он.

— Послушайте, пан чекист, вы еще не мой начальник штаба, чтобы давать мне советы. Не забывайте к тому же, что, кроме Кривых, есть еще тысяча повстанцев, которым нужно как-то объяснить крутой поворот.

— Берусь вам в этом помочь, как и подготовить встречу с заместителем Манцева, Ефимом Георгиевичем Евдокимовым. Он руководит всей операцией по ликвидации Цупкома. Такой вариант вам подходит?

Мордалевич кивнул.

— Если все пойдет как положено, ваша встреча состоится через два дня, утром 11 июня, то есть за сутки до съезда.

17

...Вечером следующего дня на большой поляне в центре лагеря собрались все члены банды, кроме занятых дозором и другими неотложными делами. На холмике стояли суровый

Мордалевич, лихой адъютант Хома и сосредоточенный Андрей Виноградский, чувствовавший особый подъем в эту ответственную минуту. Он сам лишь недавно обнаружил в себе агитаторскую жилку, и предчувствие новой удачи уже наполнило его.

— Скажет пан сотник.

— Хлопцый! — тотчас же начал Андрей. — Засиделись вы в лесу, закисло, а некоторые мхом заросли, обабились совсем, хоть и без жинок. Живут — мечтают по ним, по жинкам то есть. Да по чадам своим соскучились, исплакались. А еще по курям, пороссятам, коровам, по домашнему борщу с пампушками, — травил Андрей души слушавших.

— А я так скажу, — продолжал оратор. — Плохие все то воины, если им в навозе копать слаще, чем сражаться за свободу под знаменем головного атамана Симона Петлюры, который далеко от нас готовит для нашего освобождения поход иностранных полков.

Толпа зашумела, переваривая бурное выступление, а Мордалевич с удивлением отметил, как ловко чекист построил свою речь. Между тем Андрей продолжал:

— И еще скажу, что все эти плакальщики...

— Да ты не брехай, хороший человек, не насмехайся, ты дело говори! — прервал Андрея голос из толпы.

— Я и говорю: купились эти плакальщики на большевистские посулы. Ну, разверстку вам отменили, на налог перевели. Так что ж, в ножки им за это кланяться! Так, что ли? Или вот еще, — Андрей достал из-за пазухи взятую у Мордалевича газету. — Указ пятого Всеукраинского съезда Советов об амнистии. Слушайте, что тут написано: «Виновных в бандитизме, если они добровольно явятся в распоряжение местных властей... от ответственности освободить...»

Поднялся невообразимый шум.

— Есть такой указ?

— А ну, покаж!

— Условия, условия какие?

— Во-во, какие условия? — подхватил Андрей. — Условия, хлопцы, такие, что никак нам этот указ не подходит — забудем его, как и не было.

— Ты прочти-ка!

— Вот условия: «если... сдадут все имеющееся у них оружие и дадут обязательство не принимать участие в вооруженных выступлениях против Советской власти». Ну разве пойдет на такие условия настоящий повстанец?! — выкрикнул Андрей.

Он прервал свою речь, желая дать выкрикаться толпе, но она на этот раз молчала.

Мордалевич толкнул в бок своего адъютанта, тихо что-то сказал ему.

— Расходись, хлопцы! — крикнул тот.

Все поднялись и тут же разногласно заспорили, разбредались группками по лагерю.

— Прекрасная речь, пан сотник, — пожал руку Андрею подошедший Оксаненко.

— Ну, теперь вы видите, трудно ли будет склонить ваше воинство к явке с повинной, — сказал Виноградский Мордалевичу, когда они остались наедине.

— Да, воинство лихое, что и говорить, — сумрачно согласился атаман. — Кстати, можно подумать, что вы старый большевистский агитатор. Уж очень хитро у вас получается.

— Представьте себе, сам удивляюсь такой прыти, — весело ответил Андрей. — Все дело, наверное, в том, что надо понимать нужды простого человека. А я сам-то из мужиков. Давайте, пан атаман, обсудим кое-что. Я думаю, что ваша встреча с Евдокимовым может состояться в течение ближайших суток.

— Ну что же, встретимся. Только давайте договоримся: со мной поедете вы и Хома.

Перед рассветом в лагерь явился сын лесника с сообщением, что к ним в дом прибыли двое, желающие видеть атамана. Мордалевич, Виноградский, Хома быстро собрались и вместе с Володей отправились на встречу.

На переговорах Мордалевич пытался вначале диктовать условия, но Евдокимов решительно отверг их и потребовал безоговорочной сдачи оружия и немедленного вывода из леса всех без исключения бандитов.

Вскоре были решены все спорные вопросы. Мордалевичу были названы места организованной явки его людей для сдачи оружия и получения документов об амнистии. Срок явки с повинной был установлен трое суток, считая с 11 июня.

Улучив минуту, Евдокимов шепнул Виноградскому:

— Оксаненко нам раскрывать нельзя, нужно, чтобы он скрылся как несогласный с Мордалевичем и с тобой, и снова попал в Одессу.

— Хорошо, Ефим Георгиевич.

Он подозвал Володю.

— Вижу, что ты устал, но нужно срочно возвращаться в лагерь — известить Федора Антоновича, чтобы скрывался,

и помочь ему в этом, а ты здешние места знаешь. Ну, действуй! Не бойся, твои обидчики от нас не уйдут.

18

Прибыв на явку, Оксаненко и Володя застали в сборе почти весь штаб. Все были очень взволнованы.

— Что? — спросил Федор Комара. — Уже знаете? А мы вот еле скрылись. Руку прострелили мне изменники.

Левая рука Оксаненко были и впрямь перемотана окровавленной тряпкой.

— Спасибо Мишке Кривому. За полчаса до вас примчался, рассказал об измене Мордалевича и Щербины. Сейчас дождемся Наконечного и будем решать, что делать дальше.

Занятый перевязкой (он сам, инсценируя побег, прострелил себе мякоть руки), Федор не заметил, как, услышав о Мишке Кривом, поднялся и прошел в соседнюю комнату Володя.

Раздалась выстрелы. Первым юноша в упор пристрелил бандита-насилльника. Остальные пришли в него самого. Это событие представилось обычной ссорой из-за девушки, оно было приписано нервному перенапряжению последних дней, и не повлияло на последующие решения Цупкомка.

— Измена Мордалевича и то, что он многое знает, — заявил Чепилко, — заставляет нас в корне пересмотреть планы дальнейших действий. Прежде всего надо срочно предупредить атаманов об отмене съезда в Белой Церкви. Этим займется Коротюк. Жаль, что некоторые уже в пути. Всем присутствующим здесь немедленно свернуть свои дела и скрыться из Киева. Не позднее 13—15 июня встретимся на Черкасщине, в Холодном Яру. Там будет теперь центр нашей работы! Там такие леса, что руки ЧК туда не достанут! Не надо падать духом. Оттуда мы пошлем эмиссара к головному атаману и продолжим работу по подготовке восстания. Вы, Оксаненко, теперь нужны в Одессе. А вы, Волощук, немедленно возвращайтесь в Екатеринослав, надо предупредить обо всем атамана Зирку или завернуть его с дороги, если он уже в пути. Будьте осторожны, но работу не сворачивайте и ждите от нас дополнительных указаний.

События этого дня разворачивались стремительно. Явившись уже без утайки в Киевскую губчека, знающий почти все

явки, Ковальчук помог организовать арест половины членов Цупкома и его активных помощников. В тот же день начались аресты и членов повстанческих комитетов.

Большинство подпольщиков сдавалось без боя, лишь некоторые были убиты в перестрелке. Чепилко и Наконечного арестовали порознь. Коротюк ушел, воспользовавшись, как предположили чекисты, одним из каналов Ярошинского, который исчез заблаговременно, еще неделю назад.

Отстреливающегося Комара взяли в его доме. Он был легко ранен, проклинал всех и особенно Федора Оксаненко.

Как узнали чекисты, этот день принес еще одну, кроме Володиной, смерть.

Заподозрив преследование, Комар, оказавшийся рядом с домом Оксаненко, забежал в подъезд, а потом поднялся и в квартиру. Ему открыла жена Федора. Простодушная молодая женщина посетовала, что, мол, так долго Федор сидит в Одессе, призналась, что сделала все-все, как было написано в той записке.

Признание ошеломило Комара, он понял, что был игрушкой в руках чекистов и что нынешний разгром Цупкома подготовлен при его активном содействии. Озверевший бандит выстрелил в несчастную женщину почти всю обойму и поклялся себе найти и прикончить Федора.

К вечеру того же дня последний участник банды Мордалевича уже сложил оружие. Всего из леса вышло 946 вооруженных бандитов. Свыше полсотни атаманов и рядовых, не пожелавших идти с повинной, покинули свои банды и скрылись в лесах, но их дни тоже были сочтены.

Сам Мордалевич передал для опубликования в печати текст написанного им письма ко всем участникам бандитских группировок и контрреволюционных организаций на Украине, где предлагал им прекратить враждебную Советской власти деятельность и добровольно явиться с повинной.

Мордалевич был хорошо известен в контрреволюционной среде, поэтому его «обращение» к повстанцам было опубликовано в печати и через местные партийные и советские органы доведено до самых отдаленных, глухих районов республики. Это тоже способствовало тому, что летом 1921 года прекратило вооруженную борьбу против Советской власти и явилось с повинной около десяти тысяч бандитов.

30 июня 1921 года украинские чекисты доложили Ф. Э. Дзержинскому: «Центральный повстанческий комитет лик-

видирован в полном составе. Арестованы все главнейшие его участники».

За высокое мастерство, героизм и мужество, проявленные при раскрытии и ликвидации петлюровского заговора, большая группа украинских чекистов во главе с В. Н. Манцевым и Е. Г. Евдокимовым была награждена орденами Красного Знамени.

ЭПИЛОГ

Разгром Цупкома — это лишь единичный эпизод из многогранной героической деятельности чекистов Украины, которые проявили в жестоких схватках с врагами Советской власти беспредельное мужество и высокое оперативное мастерство. Они с честью выполнили указание Коммунистической партии и правительства Советской Украины о быстрой ликвидации в республике петлюровского вооруженного подполья. Вслед за Цупкомом в течение 1921—1923 гг. были разгромлены Одесский политический центр, областной повстанческий комитет Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии, Казачья Рада, 8-й повстанком, Волынская повстанческая армия, Курень смерти, Бронницкий повстанком и другие. Агрессивные планы империалистов, рассчитывавших свергнуть Советскую власть на Украине руками самих украинцев, потерпели полный крах.

Борьба с петлюровским подпольем проводилась чекистскими органами под непосредственным руководством Коммунистической партии Украины с учетом расстановки классовых сил в стране после гражданской войны, оперативной обстановки в республике и за рубежом. При этом важнейшим фактором их эффективной деятельности было успешное осуществление Коммунистической партией Украины ленинской политики по национальному вопросу, переход к новой экономической политике, принятие закона об амнистии и проведение других общественно-политических мероприятий, направленных на привлечение основной массы трудящегося крестьянства к участию в общественной жизни и социалистическому строительству на Украине.

Украинские чекисты внесли значительный вклад в дело защиты государства рабочих и крестьян от посягательств внешней и внутренней контрреволюции. Достойную оценку их деятельности дал один из видных деятелей Коммунистической

партии и Советского государства Г. И. Петровский в своем выступлении 11 февраля 1923 года в связи с пятилетней годовщиной органов ВУЧК—ГПУ Украины: «Подвиги их, — сказал он, — останутся в скрижалях истории. Многие забудут наши потомки, но, как ни один историк французской революции не может обойти молчанием якобинцев, как ни один историк не может не отдать им должного, — так и историк русской революции не сможет пройти мимо чекистов, не отдав им должного уважения и не признав за ними величайшей заслуги в мировой революции и в развитии коммунизма».

Петр Герасимович ПОДДУБНЫЙ

ГНЕЗДО В СОБОРЕ

Главный редактор
А. Т. МАРЧЕНКО

Редактор
В. Я. ГОЛАНД

Художник
Н. С. МИХАЙЛОВ

Технический редактор
Т. К. БУРАКОВА

Корректор
О. Е. ТИУНОВА

Г-23188 Сдано в набор 13/IX-1979 г.
Подписано к печати 30/X-1979 г.
Формат 70×108_{1/32} Физ п. л. 3
Усл. п. л. 4,2 Уч.-изд. л. 5,61
Цена 18 коп. Зак. 576
Бумага типографская № 2.

Типография журнала «Пограничник»